

ЯКОВЪ ЯКОВЛИЧЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

ПЕРВОЕ МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ЯКОВОМЪ ЯКОВЛИЧКМЪ.

Лѣтъ тому — сколько бы сказать? да, пожалуй, хоть пятьдесятъ назадъ, отецъ привезъ меня въ небольшой городъ Н. для опредѣленія въ частную школу. Въ этомъ городкѣ была и гимназія, но она, по старинному устройству, состояла только изъ высшихъ классовъ, слѣдовательно въ нее нельзя было поступить, безъ предварительнаго приготовленія. Я былъ тогда небольшимъ, но хорошо откормленнымъ въ деревнѣ мальчикомъ, въ долгополомъ, сшитомъ на выростъ, нанковомъ сюртукѣ. Меня повели сперва къ содержателю школы, который былъ вмѣстѣ и городской аптекаръ, а онъ отвелъ меня въ просторную комнату, наполненную, какъ мнѣ показалось, одними дѣтскими головками, потому что туловища учениковъ были почти совсѣмъ закрыты скамьями. Какимъ образомъ я очутился на концѣ одной изъ скамеекъ и куда дѣвался содержатель, ничего не помню. Чувства мои до того были смущены новостью моего положенія, что мнѣ казалось, будто я такъ и родился ученикомъ этой школы, въ своемъ нанковомъ сюртукѣ, который былъ надѣтъ мною еще только въ первый разъ.

Дѣйствительно, деревенская домашняя жизнь моя такъ была непохожа на ту, которую я началъ вести съ этого дня, что я, по всей справедливости, могъ бы начать эру своего существованія съ поступленія въ число воспитанниковъ Н—ской школы. Все, отъ ящиковъ, выдолбленныхъ учениками со скуки въ скамьяхъ, до полотна, обвиснушаго мѣшками на потолокъ и кой-гдѣ прорваннаго течью, казалось мнѣ столь же новымъ и непонятнымъ, какъ, я думаю, новорожденному кажутся люди и все, что ихъ окружаетъ.

Но ничто — ни ряды разнообразно одѣтыхъ и еще разнообразнѣе оборванныхъ мальчиковъ, ни остатки обоевъ, покрывавшихъ вѣкогда сплошь стѣны, а теперь, вмѣстѣ съ проглядывающими изъ подъ нихъ бревнами, представлявшихъ подобіе морей и материковъ, ни развѣшанные по нимъ, въ черныхъ рамкахъ, рисованные краснымъ карандашомъ съ надписями: «Ганнибалъ, Ермакъ, Несторъ Лѣтописецъ», — ничто такъ странно не поразило моего зрѣнія, какъ видъ учителя, который своимъ присутствіемъ спасъ меня отъ совершеннаго замѣшательства, въ какое былъ бы я повергнутъ, если бы вся эта неподвижная толпа, по своему обычаю, бросилась ко мнѣ, какъ къ новичку, и начала меня распрашивать, дергать за рукава и передразнивать (какъ то и случилось послѣ класса), прежде нежели я успѣлъ осмотрѣться вокругъ себя.

Учитель былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣрыми, почти сѣдыми волосами, въ сѣромъ фракѣ, застегнутомъ черными костяными пуговицами, въ сѣрыхъ панталонахъ и въ ботфортахъ. Покрой его фрака, короткаго спереди и длиннаго-предлиннаго сзади, походка, движенія и даже голосъ, — все въ немъ очень рѣзко отличалось отъ другихъ людей. Круглое, безцвѣтное лицо Якова Яковича (такъ звали учителя), его плоскій носъ, его отдушіяся впередъ, «нарочито» (какъ писали въ старинныхъ книгахъ) большія губы, сѣрый костюмъ его, весьма древній и поновленный, какъ видно, неоднократно свѣжими вставками, — отчего Яковъ Яковичъ казался пѣгвымъ, — наконецъ его медленныя, тяжелыя, однообразныя движенія отразились въ моемъ воображеніи съ такою силою, что я, воротясь къ квартирѣ, тотчасъ нарисовалъ карандашомъ его портретъ въ профиль, несмотря на то, что я былъ рисовальщикъ самоучка.

Пройдась нѣсколько разъ по классу. Яковъ Яковличъ присѣлъ къ столу, взявъ изъ шляпы списокъ учениковъ и началъ дѣлать перекличку. Каждый отвѣчалъ: *здѣсь!* а если кого въ классѣ не оказывалось, то нѣсколько голосовъ отвѣчало: *нѣтъ!*

— Тише, молодцы! говорилъ протяжно Яковъ Яковличъ и продолжалъ перекличку, а иногда осѣдомлялся, почему тотъ или другой ученикъ не явился въ классъ. На вопросъ чаще всего отвѣчали: *нѣту самого*, и это признавалось, по видимому, самою убѣдительною причиною отсутствія.

Такая бѣдность сперва очень удивляла меня; но послѣ я узналъ, что Яковъ Яковличъ больше всего вѣрилъ справедливости «сапожнаго», какъ мы говорили, оправданія. Другому учителю, по имени Ивану Андренчу, о томъ же отсутствовавшемъ ученикѣ отвѣчали: *животъ болитъ*, и Иванъ Андренчъ, часто страдавшій желудкомъ, въ свою очередь никогда не сомнѣвался въ справедливости такого показанія. Это мы называли, на школьномъ своемъ языкѣ, «животнымъ оправданіемъ».

Перекличка, какъ мнѣ показалось (и въ чемъ я не ошибся) доставляла ученикамъ большое удовольствіе. Каждый съ нетерпѣніемъ ожидалъ своего имени, чтобы вскрикнуть громкимъ голосомъ: *здѣсь!* а когда приходилось отвѣчать *нѣтъ*, то это было для многихъ истиннымъ торжествомъ. Иногда однообразіе переклички скрашивалось затѣйливымъ отвѣтомъ *hier* вмѣсто *здѣсь*. Не знаю, откуда позаимствовали ученики это слово — видно отъ товарищей высшаго класса, гдѣ тотъ же Яковъ Яковличъ обучалъ началамъ нѣмецкаго языка; только онъ принималъ такія выходки съ явнымъ неудовольствіемъ. «Вотъ я тебя *пиркну!*» говорилъ онъ, грозя взглядомъ виновному, и если потомъ еще кто нибудь осмѣливался сказать *hier*, то Яковъ Яковличъ указывалъ пальцемъ въ уголъ и говорилъ: «А поди на колѣни, червякъ!»

Какъ живо представляется мнѣ первый день моего ученичества! Я вижу, какъ на картинѣ перелѣ собою Якова Яковлича со стоящею передъ нимъ круглою шляпою, давно уже потерявшею весь свой ворсъ; вижу даже, какъ солнечные лучи играютъ на черномъ сургучѣ (я думаю, что то была не смола), которымъ въ одномъ мѣстѣ была задѣлана трещина въ этой шляпѣ. Мало того: я пересчиталъ бы, сколько слоевъ кожи въ подошвахъ его ботфортъ, — слоевъ, происшедшихъ отъ на-

шитыхъ одна на другую подметокъ, и сколько заплатокъ на каждой изъ этихъ старыхъ, какъ и самъ Яковъ Яковличъ, ботфортъ. Мнѣ кажется, какъ будто это было вчера, — Яковъ Яковличъ досталъ изъ кармана длиннополага своего фрака тетрадь, съ оберткою изъ синей бумаги, всталъ со стула, подошелъ къ доскѣ и написалъ меломъ изъ тетради арифметическую задачу. Помню очень хорошо, что эта задача была — умноженіе простыхъ чиселъ. Ученики списывали ее въ свои тетрадки, по мѣрѣ того, какъ цифры, выставляемыя меломъ очень отчетливо и даже красиво, появлялись на черной доскѣ подъ рукою Якова Яковлича. Окончивъ задачу, Яковъ Яковличъ обратился къ скамьямъ — я готовъ нарисовать его въ эту минуту — и произнесъ протяжно и торжественно: *Молодцы! остановитесь и послушайте учительскаго объясненія.*

Именно эти, а не другія, слова провозносилъ онъ всякій день и послѣ всякаго раза, когда ему случалось написать для насъ что бы то ни было на доскѣ, и всегда однимъ и тѣмъ же тономъ, не прибавляя и не переставляя ни одного слова. Учительское же объясненіе состояло въ томъ, что онъ перемножалъ вслухъ множимое число на всѣ цифры множителя. При этомъ онъ говорилъ только задачу, а рѣшеніе должны былъ говорить хоромъ ученики. Напримѣръ, онъ говорилъ *пятью-шесть*, а ученики отвѣчали: *тридцать*; *четырежды-пять*, а ученики — *двадцать*, и такъ далѣе. Это заняло меня на первый разъ, за недостаткомъ другихъ развлеченій, очень пріятно.

Въ первый же день моего ученичества я былъ свидѣтелемъ одной школьнической проделки, которая повторялась нѣсколько разъ и послѣ, и всегда къ общему удовольствію публики. Она состояла въ томъ, что ученики, послѣ бойкихъ отвѣтовъ, вдругъ забывали табличку умноженія, такъ что Яковъ Яковличъ, провозглася какіе нибудь *дважды-шесть*, останавливалъ въ воздухѣ мелъ, готовый написать двѣнадцать, и оставался въ такомъ положеніи съ секунду, въ ожиданіи отвѣта. Я тотчасъ, по плутоватому выраженію лицъ моихъ товарищей, догадался, что это шалость; но онъ былъ простодушнѣйшее существо. Онъ повторилъ свой возгласъ и ожидалъ еще нѣсколько мгновеній. Не получа и въ другой разъ отвѣта, Яковъ Яковличъ оборачивался къ ученикамъ и подсказывалъ имъ потихоньку начальныя буквы отвѣта: *два*.... Молчаніе. *Два*и-и-и.... говорить онъ,

возвыся голосъ. Нѣтъ, не догадываются. *Двадцать...* говоритъ онъ еще громче. Тогда ученики хоромъ: *цать! двадцать.* Хорошо, молодцы! двѣнадцать, повторяетъ Яковъ Яковличъ протяжнымъ своимъ голосомъ, какъ будто не случилось ничего особеннаго, пишетъ цифру и продолжаетъ умноженіе, пока на учениковъ найдетъ новый столбнякъ; а тѣ переглядываются и смѣются. Миѣ тоже было очень смѣшно; но я боялся и пошевелиться, когда Яковъ Яковличъ поворачивался ко миѣ.

И, впрочемъ, скоро узналъ, что миѣ нечего бояться Якова Яковлича. Онъ былъ строгъ, это правда, но не ко всѣмъ и не во всякое время года. Чей отецъ побывалъ у него, какъ говорилось въ городкѣ Н., «съ почтеніемъ», тотъ могъ позволять себѣ въ его присутствіи многое: Яковъ Яковличъ ничего не будетъ видѣть, ни слышать. Я имѣлъ счастье быть сыномъ отца попечительнаго, в товарищи, узнавъ отъ меня, что онъ былъ «съ почтеніемъ» у Якова Яковлича, объяснили миѣ мои привилегіи. Впрочемъ, и привилегированнымъ ученикамъ надобно было бегаться Якова Яковлича, когда время подходило къ праздникамъ, что у насъ называлось роспенскомъ. Тогда самый обыкновенный шумъ въ классѣ возбуждалъ его неудовольствіе, и онъ безпрестанно говорилъ: «Ну, что жужжали какъ пчелы? Жужжать, жужжать, да меду не посятъ!» Или: «Ахъ вы мельницы вѣтряныя! мелютъ, мелютъ, да мучицы нѣту!»

Не знаю, отчего Яковъ Яковличъ любилъ особенно мучицу. Бывало, иной ученикъ, чтобъ приобрести заблаговременно его расположенность, встрѣтитъ его въ коридорѣ и спроситъ: «Яковъ Яковличъ, папенька пишетъ, чего вамъ прислать къ празднику, меду или муки?» и Яковъ Яковличъ всегда отвѣчалъ: «Мучицы, молодецъ!» Я никогда не видалъ его въ болѣе радостномъ расположеніи духа, какъ въ то время, когда, бывало, послѣ роспенка явился къ нему съ кулемъ муки. Онъ даже улыбался, что я прежде считалъ для него совершенною невозможностью, по важности его характера.

Чаще всего я заставалъ его въ этихъ случаяхъ на дворѣ, съ лопатою или метлою въ рукахъ. Онъ не держалъ прислуги и подметалъ свой дворъ лично, нарядясь въ какой-то кафтанъ, испещренный разноцвѣтными заплатами. Сестра его, Маруся, исправляла роль ключницы, кухарки и горничной. Больше никого и не было у него въ домѣ, если не считать ко-

ровы, которую онъ называлъ *коровушкою*, и презлой цѣпной собаки, носившей тоже какое-то уменьшительное имя.

Разсказы о домашней жизни Якова Яковича составляли одинъ изъ занимательнѣйшихъ предметовъ для разговора между учениками. Онъ слылъ у насъ за страшнаго скупца. Говорили, что онъ послѣ всѣхъ роспусковъ продавалъ множество ученической мучицы въ лавки купцамъ и всѣ деньги пряталъ въ сундукъ; что онъ питался одною размазною и не ѣлъ вовсе говядины.

Странно, что жители городка Н. тоже смотрѣли на Якова Яковича не слишкомъ благосклонно, тогда какъ онъ былъ едва ли не лучшей между ними гражданинъ. Онъ никого ничѣмъ не обижалъ, а обиды другихъ сносилъ съ непоколебимымъ терпѣніемъ. Однажды Иванъ Андреевъ, преподававшій латвискій языкъ и исторію, былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что, отворя дверь изъ другого класса, вздумалъ шутить надъ Яковымъ Яковичемъ, къ немалому нашему удивленію и вѣстѣ съ тѣмъ удовольствію. Но Яковъ Яковичъ тотчасъ усовѣстилъ его кроткими отвѣтами: «Нехорошо, Иванъ Андреевъ! перестаньте дурачиться!»

Насъ, однакожь, не такъ-то легко было усовѣстить. Уже Иванъ Андреевъ давно скрылся за дверью, а мы все еще смѣялись, присѣдая за скамейками. «Ахъ, вы, мушктеры!» кричалъ, разсердясь, Яковъ Яковичъ и не одного вытащилъ изъ за скамейки на колѣни. Что значило: «мушктеры» въ примѣненіи къ намъ — я ни тогда не понималъ, ни теперь не понимаю. Яковъ Яковичъ очень часто въ досадѣ называлъ насъ такъ всѣхъ вообще, во множественномъ числѣ, и по одиначкѣ, въ единственномъ, при чемъ онъ часто восклицалъ еще «капшукъ!» или «черрвякъ!» а иногда прибавлялъ еще «капустянный червякъ!»

За исключеніемъ этихъ небольшихъ вспышекъ, обращенныхъ, впрочемъ, преимущественно на шулуновъ или виновныхъ въ недоставленіи мучицы, Яковъ Яковичъ былъ человекъ самаго неукоризненнаго поведенія. За что же преслѣдовало его городское мнѣніе? неужели за одну скупость? Но изъ чего мы заключили о его скупости? Изъ того ли, что онъ питался одною кашницею? это показывало въ немъ только похвальную умѣренность. Изъ того ли, что шляпа его была залѣплена сургучемъ?

нужды нѣтъ! все-таки это была шляпа, а не кожаный картузь, въ какихъ щеголялъ Иванъ Андреечъ, и Яковъ Яковличъ, облеченный въ свои ботфорты и въ эту шляпу, казался подлѣ своего маленькаго товарища въ нанковомъ скюртукѣ съ мѣдными пуговицами — важной особой. Изъ того ли, наконецъ, что онъ самъ подметалъ свой дворъ? и это неосновательно: есть занятія гораздо хуже, но они не возбуждаютъ ничего осужденія. Словомъ, Яковъ Яковличъ былъ добродѣтельнѣйшій человекъ.

II.

НАЧАЛО МОЕГО СБЛИЖЕНІЯ СЪ ЯКОВОМЪ ЯКОВЛИЧЕМЪ.

Прошелъ слишкомъ годъ послѣ достопамятнаго дня вступленія моего въ Н—скую школу. За отличное знаніе всего, что написано было въ ариѳметической тетрадкѣ Якова Яковлича, которую онъ кротко называлъ *Ариѳметичкою*, и которую приказывалъ намъ списывать въ тетрадки «самымъ чистымъ столычнымъ почеркомъ», я былъ осыпанъ похвалами. Но скоро ариѳметичка Якова Яковлевича заговорила такимъ темнымъ языкомъ, что я ровно ничего въ ней не понималъ и очутился въ числѣ послѣднихъ учениковъ. Дѣло въ томъ, что первыя четыре ариѳметическія дѣйствія были извѣстны мнѣ еще дома, въ деревнѣ: поэтому мнѣ нетрудно было проникнуть въ таинственный языкъ синей тетрадки. Но когда дѣло дошло до дробей, то Якову Яковличу могъ отвѣчать вполнѣ удовлетворительно одинъ только ученикъ, именно Діонисій Подпружниковъ, который вы зубрилъ всѣ цифры, перемежшанцыя непонятнымъ образомъ съ текстомъ, и могъ, не останавливаясь ни на секунду, проговорить отъ начала до конца все, что ни было написано въ ариѳметичкѣ. Я не отличался въ дѣтствѣ памятью, и потому былъ у Якова Яковлича на весьма худомъ счету.

Когда я выходилъ къ доскѣ и мнѣ диктовали рядъ цифръ и спрашивали, какъ дѣлается, напримѣръ, умноженіе или дѣленіе дробей, и я не могъ, подобно премудрому Діонисію Подпружникову, прокричавъ бойко: «слѣдующимъ образомъ», исписать всю доску непонятными для учениковъ рядами цифръ, — Яковъ Яковличъ покачивалъ только головою и говорилъ ме-

ланголически: «Ахъ, М*, М*! что изъ тебя будетъ!» Онъ приносилъ эти слова съ такимъ чувствомъ, съ такимъ искреннимъ обо мнѣ сожалѣніемъ, что я самъ началъ считать себя безтолковѣйшимъ мальчикомъ. Мною овладѣла совершенная безпечность, и я не только не училъ арифметички дома, но даже пересталъ списывать ее и на бумагу, по мѣрѣ того, какъ Яковъ Яковличъ выписывалъ намъ изъ своей тетрадки нѣкоторыя задачи мѣломъ на доскѣ. Все мое занятіе во время классовъ состояло въ томъ, чтобы разсматривать вистѣшаго противъ меня Ромула или изучать устройство калошъ Якова Яковлича.

У Якова Яковлича — надо сказать вамъ — были чудныя калоши, какихъ я уже никогда и ни у кого съ тѣхъ поръ не видѣлъ. Чудесность ихъ состояла въ способѣ, какимъ онѣ держались на ногахъ. Яковъ Яковличъ, какъ вы уже могли замѣтить, былъ человекъ экономнаго характера. Ботфорты у него были — какъ я тогда думалъ — еще отцовскіе, — онъ только отъ времени до времени починивалъ ихъ; но устройство калошъ принадлежало собственно его изобрѣтательности. Эго были обширныя, толстыя, неизносимыя влагалища ногъ; только онъ, боясь сдѣлать ихъ тѣсными, слишкомъ перехитрилъ уже: онѣ не держались на ногахъ. Такое обстоятельство затруднило бы всякаго, но для Якова Яковлича ничего не значило взять нѣсколько аршинъ бичевки и обмотать ею калоши кругомъ, такъ что онѣ составляли съ ботфортами нѣчто цѣлое, нераздѣльно связанное. Я подозреваю, что и тутъ у Якова Яковлича не обошлось безъ экономическаго соображенія: бичевка предохраняла подошвы отъ тренія, такъ что Яковъ Яковличъ этимъ способомъ могъ проносить ихъ гораздо долѣе.

На эти-то калоши въ теченіе нѣкотораго времени было обращено постоянно мое вниманіе. Мнѣ хотѣлось знать, какъ Яковъ Яковличъ производитъ операцію соединенія ихъ съ ботфортами и сколько употребляетъ онъ времени на обматываніе и разматываніе своей обуви. «Видно немало — думалъ я — если онъ, не снимая калошъ, такъ и остается вовсе время своего пребыванія въ классѣ!» Кажется, должно бы снимать эту по большей части грязную обувь; но все, что онъ дѣлалъ, ограничивалось тѣмъ, что онъ пробирался отъ двери до своего стула самыми большими шагами, такъ что на полу оставалось не болѣе полу-десятка отпечатковъ его подошвъ, или, лучше сказать, по-

крывавшей ихъ бичевки, и, усѣвшись на стулѣ, протягивалъ ноги впередъ и, касаясь пола только каблуками, держалъ ботфорты съ калошами носками кверху. Въ такомъ-то положеніи я наблюдалъ ихъ, удивляясь смышлености Якова Яковлича и придумывая средства, какъ бы заставить его разуться. Много употребилъ я времени на эти размышленія; наконецъ блеснула въ моемъ умѣ слѣдующая мысль, которую я тотчасъ же привелъ и въ исполненіе.

Школа наша была подѣ главнымъ надзоромъ директора гимназій, человекъ строгаго и ученаго, котораго мы очень боялись. Каждый его пріѣздъ былъ для насъ достопамятенъ. Яковъ Яковличъ, всегда застегнутый на три пуговицы, въ этихъ случаяхъ желалъ спрятать не только свой полосатый кашемировый жилетъ, но и всего себя, въ сѣрый свой фракъ; мы, сами не понимая отчего, также приходили въ ужасъ, глядя на измѣнившееся лицо Якова Яковлича.

Этотъ-то казусъ вдругъ пришелъ мнѣ въ голову посреди размышленій о калошахъ Якова Яковлича. Надобно жъ было случиться, что въ ту самую минуту кто-то проѣхалъ мимо оконъ, производя стукъ, довольно похожій на звяканье экипажа. Я торопливо взглянулъ въ окно, потомъ наклонился къ уху своего товарища и прошепталъ такъ громко, чтобъ меня всѣ слышали: *Директоръ!* Ученики зашевелились, принялись приглаживать волосы, и магическое слово *директоръ* слышалось во всѣхъ углахъ. Оно не замедлило коснуться и слуха Якова Яковлича. Яковъ Яковличъ поднялся торопливо съ своего мѣста и, отпечатавъ какъ можно меньшее число своихъ ступеней на полу, убрался за печку, гдѣ принялся разматывать достойныя стиховъ Гомера поножья. Мы же, слушая его крехтенъе,

.... смѣхъ несказанный воздвигли....

какъ древле на Олимпѣ боги, потому что я тотчасъ же сообщилъ о своей продѣлкѣ товарищамъ. Смѣхъ нашъ прервалъ мирное занятіе Якова Яковлича, и никогда еще не видали его такъ разсерженнымъ, какъ въ этотъ разъ.

Нужно было видѣть, какъ вскочилъ Яковъ Яковличъ, къ одной только калошѣ — другую онъ успѣлъ уже снять — какъ онъ схватилъ пруть и устремился на меня, позабывъ въ эту минуту всю мою мучицу, которая до сихъ поръ

спасала меня отъ наказаній! Но я былъ не такъ простъ и не такъ мужественъ, чтобъ ожидать наказанія. Я вскопчилъ на скамью и побѣжалъ вдоль всей комнаты, перепрыгивая съ отдѣленія на отдѣленіе, подобно гомеровымъ мирмидонцамъ, защищавшимъ свои чернобокіе корабли. Онъ же, подобно раздраженному Вулкану, прихрамывая отъ неровности своей обуви, гнался за мной съ занесеннымъ на ударъ прутомъ, но тщетно: отворенная дверь послужила для меня такимъ убѣжищемъ, куда Яковъ Яковичъ не рѣшился за мной бѣжать....

Приключеніе это само по себѣ незамѣчательно и не заслуживало бы подробнаго описанія, но оно повело меня и Якова Яковича къ самымъ важнымъ послѣдствіямъ.

Деревня, въ которой жилъ отецъ мой, отстояла отъ города на нѣсколько часовъ ѣзды. Ровно черезъ два дня послѣ моей шалости и бѣгства отъ Якова Яковича, пріѣхалъ мой отецъ, и первое слово его было — объ этомъ происшествіи. Побранивъ меня, сколько слѣдовало, за мою продерзость, онъ смягчился и дружески спрашивалъ меня, отчего я вдругъ испортился и изъ прилежнаго и скромнаго мальчика сдѣлался лѣнтяемъ и повѣсою. Я откровенно отвѣчалъ, что причиною всему ариѳметичка.

— Какъ ариѳметичка?

Тутъ я рассказалъ отцу о трудности этой науки, или, лучше сказать, этой тетрадки — наука тогда представлялась мнѣ не иначе, какъ въ видѣ тетрадки или книги, которую вызубри, и будешь мудръ.

Отецъ выслушалъ меня внимательно и, не сказавъ въ отвѣтъ ни добраго, ни худого, послалъ меня въ школу. Когда же я воротился въ квартиру — это было послѣ обѣда — онъ велѣлъ мнѣ надѣть новый, привезенный имъ теперь сюртукъ, который былъ сшитъ также на выростъ и отличался отъ прежняго тѣмъ только, что былъ полосатый. Наряженный такимъ образомъ, — я съ большимъ уваженіемъ смотрѣлъ на новый свой сюртукъ — я долженъ былъ сопутствовать моему отцу — куда же? — къ Якову Яковичу. Меня бы это сильно встревожило, если бы въ обхожденіи батюшки со мною не было все-таки замѣтно какой-то благосклонности, которой я не могъ тогда истолковать себѣ, и которую понялъ только впоследствии.

III.

Я НЕОЖИДАННО ПОСТАВЛЕНЪ ВЪ САМЫЯ БЛИЗКІЯ ОТНОШЕНІЯ СЪ ЯКОВОМЪ ЯКОВЛИЧЕМЪ.

Домъ Якова Яковлича стоялъ что называется *на отшибѣ*. Передъ нимъ лежало большое пространство незастроенной земли, принадлежавшее уже лѣтъ тридцать какимъ-то малолѣтнимъ наслѣдникамъ; по обѣ стороны его шли улицы безъ домовъ, а сзади былъ глубокій, заросшій орѣшникомъ оврагъ, за которымъ видны были, на далекое разстояніе, поля. Можетъ быть, это уединенное положеніе родного уголка было отчасти причиною нелюдимости характера Якова Яковлича. Яковъ Яковличъ не бывалъ никогда нигдѣ, кромѣ нашей школы. Даже когда по воскресеньямъ аптекарь поручалъ ему вести учениковъ въ церковь, онъ всегда водилъ насъ въ монастырь, отдаленный отъ школы большимъ выгономъ. По дорогѣ въ монастырь не встрѣтишь бывало никого, кромѣ какого нибудь слуги, идущаго съ письмомъ на почту. Но это въ будни, а по воскресеньямъ не встрѣтишь бывало тамъ рѣшительно ни души. Яковъ Яковличъ очевидно избѣгалъ людскихъ взоровъ, и это, я увѣренъ, происходило всего больше оттого, что онъ взросъ въ совершенномъ удаленіи отъ людей.

Съ своей стороны жители горodka Н. выражали тѣмъ больше любопытства при встрѣчѣ съ Яковомъ Яковличемъ, чѣмъ больше онъ старался укрыться отъ наблюденій. Въ школу онъ пробирался изъ дому по большой части огородами, старательно кутаясь въ стоячій воротникъ зеленой байковой своей шинели. Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, на его издали указывали пальцами, а мальчишки слѣдили за нимъ даже и по огороднымъ тропинкамъ.

Всеобщее нерасположеніе горожанъ — оно было очевидно — еще болѣе отдавало отъ нихъ Якова Яковлича и привязывало его къ отцовскому дому, гдѣ онъ могъ быть всегда спокоенъ и гдѣ сестра Маруша лелѣяла его съ такою почитательностью, какъ будто онъ не носилъ ни сѣраго длиннополога фрака съ черными рукавицами, ни по юсагаго жилета, выглядывавша-

го снизу изъ подъ застегнутаго фрака на добрую четверть, ни отцовскихъ ботфортъ, ни величественныхъ калошъ, ни шляпы, замѣченной чернымъ сургучомъ, а можетъ быть — какъ утверждали нѣкоторые — и смолою, которую сапожники употребляютъ на драгву, — какъ будто онъ былъ щедрѣйшій изъ людей и наконецъ какъ будто для него мучица не составляла постоянного предмета желаній, — однимъ словомъ, какъ будто онъ былъ чуждъ всего того, за что преслѣдовали его (повторю; совершенно несправедливо).

Эта сестрица Мареуша встрѣтила насъ на дворѣ въ зеленой байковой исподницѣ съ красными мупками, въ какой-то рыжей, должно быть очень старинной, но неизносимой кофтѣ и въ бѣломъ бумажномъ колпакѣ вмѣсто всякаго головнаго убора. Она угомонила свирѣпаго пса, который рвался къ намъ съ своей цѣпи, угрожая проглотить насъ живьемъ — чего я ожидалъ почти навѣрное — и изъявила приходу батюшки такую радость, къ какой я даже не предполагалъ ее способною, принимая во вниманіе ея уединенную жизнь и пятьдесятъ лѣтъ, явно отпечатлѣвшихся на ея лицѣ. Она любила батюшку за то, что онъ въ своихъ дарахъ былъ постояненъ, а можетъ быть и за его почительность къ Якову Яковичу.

— Дома ли Яковъ Яковичъ? спросилъ батюшка.

И этотъ вопросъ показался не только мнѣ, но, я думаю, и ему самому страннымъ: гдѣ могъ быть Яковъ Яковичъ, въ свободное отъ ученья время? Онъ, подобно вагону на желѣзной дорогѣ, ходилъ въ извѣстные только часы и по извѣстному только направленію, такъ что кто не видалъ его изрѣдка повоскресеньямъ въ монастырѣ или на дорогѣ въ школу, тотъ могъ никогда его не увидѣть.

Сестрица Мареуша отвѣчала, однакожъ: «дома», такимъ тономъ, какъ будто ея братецъ могъ быть и въ лавкахъ, и въ гостяхъ, и вездѣ, гдѣ бываютъ другіе.

— Пожалуйте на это крылечко, прибавила она, а сама посиѣшила къ другому выходу, чтобы отпереть парадный входъ.

Но прежде нежели она скрылась у насъ изъ виду, дверь на крылечкѣ отворилась, и въ ней, какъ на темномъ фонѣ картины, представилась намъ такая фигура, которая потребовала бы всѣхъ красокъ; сколько бъ ихъ ни было на палитрѣ у худож-

пяка. — именно самъ Яковъ Яковличъ, въ кафтанѣ, который былъ въ свое время весь красенъ, а теперь превратился въ мозаику изъ разнообразнѣйшихъ лоскутковъ. На головѣ его тоже была, кажется, треугольная старинная шляпа, порыжѣлая, потерявшая отъ ветхости свой контуръ и похожая на войлочныя шапки, какія носятъ бѣлорусцы. Осеннее солнце, спустившееся въ это время къ самымъ верхушкамъ пожелтѣвшихъ садовыхъ деревьевъ, свѣтило прямо въ дверь, такъ что Яковъ Яковличъ долженъ былъ поднести къ глазамъ руку, чтобъ разсмотрѣть, кто заступилъ ему дорогу; но въ ту же минуту онъ повернулся и исчезъ передъ нашими глазами. Еслибъ я не видалъ его прежде въ этомъ кафтанѣ и треугольной шляпѣ, да еще съ лопатою въ рукѣ, я бы могъ подумать, что передъ нами явился призракъ. Для батюшки тоже это не была новость. Онъ даже посмотрѣлъ на меня строгими глазами, какъ замѣтилъ, что я смѣюсь. Я живо вспомнилъ мою послѣднюю шалость и подумалъ, что мнѣ нечего въ эту минуту смѣяться.

Съ этою мыслью я вошелъ, вслѣдъ за батюшкою, изъ стѣней въ первую комнату, приемную Якова Яковлича, ту самую, въ которую некогда былъ принесенъ однимъ ученикомъ заяцъ. Въ окнѣ противъ двери можно было видѣть слѣды этого событiя. Одно изъ нижнихъ стеколъ состояло изъ множества кусочковъ, старательно собранныхъ Яковомъ Яковличемъ и слѣпленныхъ вмѣстѣ замазкою. Комната эта, никогда не удовлетворявшая моего вкуса, показалась мнѣ теперь еще менѣе привлекательною. Иразцовая синяя печка какъ будто выступила впередъ дальше прежняго и походила не на печку, а на какое-то строенiе въ родѣ индiйскихъ пагодъ. Цвѣты и птицы, рисованные Яковомъ Яковличемъ въ молодости и развѣшанные по стѣнамъ въ черныхъ рамкахъ, казалось, полиняли; стулья и столъ, съ кривыми ножками, какъ будто всѣ скорчились отъ старости и скучнаго затворничества въ этой низенькой, темной, рѣдко кѣмъ посѣщаемой комнатѣ. Только котъ, сидѣвшiй на лежанкѣ, казалось, былъ доволенъ своимъ положенiемъ, благодаря мышамъ, которыя не чуждались дома Якова Яковлича. Такъ думалъ я, потому что никакъ не могъ приписать тучность его боковъ хозяйскому корму. Но воображалъ ли я тогда, что эта комната будетъ моею квартирою, а этотъ котъ моимъ товарищемъ? А между тѣмъ отецъ привелъ меня къ Якову

Яковличу именно съ намѣреніемъ поселить подъ его кровомъ, какъ въ этомъ я скоро и убѣдился.

Яковъ Яковличъ не замедлилъ переѣхать свой костюмъ и явиться въ приемную. Онъ тотчасъ спросилъ, получилъ ли батюшка письмо его. Батюшка благодарилъ его въ отборныхъ выраженіяхъ, на которыя старикъ былъ мастеръ. Марѳуша, стоя въ дверяхъ сосѣдней комнаты и слушая, съ какимъ почтеніемъ обращаются къ ея братцу, улыбалась такъ пріятно, какъ только была способна улыбаться ея фізіономія. Потомъ батюшка извинялъ мою шалость дурнымъ товариществомъ, недостаткомъ хорошаго надзора и заключилъ рѣчь свою желаніемъ отдать меня въ полное распоряженіе Якова Яковлича.

Не строгость его меня пугала: нѣтъ! но я боялся, что онъ заморить меня голодомъ. Я думалъ, что одинъ развѣ котъ могъ быть сытъ въ домѣ Якова Яковлича, и то потому, что мыши ничего не оставляютъ хозяину. Потомъ я вообразилъ, какъ я буду проводить время съ этими двумя холодными, чорствыми, тяжелыми существами, вдали отъ товарищей, изъ которыхъ, конечно, никто не заглянетъ ко мнѣ, какъ будто я былъ посаженъ подъ строжайшей караулъ. Жизнь моя вдругъ поблекла какъ цвѣты и птицы Якова Яковлича; свобода моя съузилась какъ пространство этой комнаты, — этой низенькой, темной и скучной комнаты, гдѣ каждый стулъ смотрѣлъ на меня со страдательною гримасою: я самъ вдругъ какъ будто состарѣлся и казался себѣ маленькимъ Яковомъ Яковличемъ. Словомъ, я страдалъ, какъ только могутъ страдать дѣти.

Батюшка, между тѣмъ, ничего этого не замѣчая, продолжалъ вести бесѣду съ Яковомъ Яковличемъ. Я смотрѣлъ бессмысленно въ окно, передъ которымъ вѣтеръ безпрестанно налеталъ на грушу и обрывалъ ея послѣдніе листья: такъ каждая фраза батюшки уничтожала мои дѣтскія радости, мои любимыя привычки, мои отрадныя затѣи и игры съ товарищами. Я былъ похожъ въ это время на старика, который касается предѣла своего существованія и съ грустью оглядывается на прошедшія ощущенія сердца, какихъ уже не будетъ для него впереди.

Наконецъ батюшка замолчалъ, въ ожиданіи отвѣта Якова Яковлича, и лучъ надежды блеснулъ для меня, когда я увидѣлъ, что Яковъ Яковличъ крайне затруднился сдѣланнымъ ему предложеніемъ.

— Я радъ бы былъ учинить вашу волю, сказалъ онъ (Яковъ Яковличъ выражался языкомъ, какимъ писались книги въ прошломъ столѣтїи): — но, изволите ли видѣть, вотъ я и сестрица жительствоуемъ всегда одни. Мирно, спокойно у насъ. Все на своемъ мѣстѣ, все цѣло, какъ было при покойномъ родителѣ моемъ. А вотъ раза три въ годъ заглянуть ко мнѣ эти червяки и надѣлаютъ бѣды непремѣнно. Тамъ теленка выпускаютъ на улицу, тутъ зайцевъ нанесутъ вмѣсто мучицы, перебыютъ стекла. Полгода не придешь въ себя послѣ эдакого поздравленія съ праздникомъ.

— Но, Яковъ Яковличъ, сказалъ батюшка: — на дѣтей есть же узда. Наказывайте Николашу моей рукою....

Яковъ Яковличъ взглянулъ на меня, и мнѣ казалось, что онъ ведетъ уже меня на расправу за мою пролѣтку съ ка-лошами.

— Оно-то такъ, сказалъ онъ: — но, право, мнѣ какъ-то мудрено и подумать о постояльцѣ.... Какъ тебѣ кажется, Марѣуша?

— А что же, Яковъ Яковличъ, отвѣчала она: — много ли такому постояльцу надо? А пускай бы и у насъ въ дворѣ что нибудь жужжало.

Слова эти, при всемъ печальномъ настроившѣ души моей, удивили меня: въ нихъ проглядывало чувство.

— А каково-то будетъ твоимъ грядамъ, Марѣуша? сказалъ Яковъ Яковличъ.

— И, что за это опасаться! отвѣчала она. — Я и сама прогону мальчугана съ огорода хворостиною.

Мнѣ живо представилось въ это время, какъ Марѣуша гонить меня хворостиною, а Яковъ Яковличъ стоитъ на дворѣ, въ треугольной шляпѣ, съ метлой въ рукѣ, и говорить: «Экой капустянный червякъ!» Непривлекательная перспектива!

Но и въ воображеніи Якова Яковлича рисовалась, видно, тоже какая нибудь непрїятная картина, въ родѣ мальчика, лазающаго по деревьямъ или прыгающаго по стульямъ, — потому что онъ, покачавъ головою, сказалъ батюшкѣ:

— Нѣтъ, Иванъ Карпычъ, не могу.... душевно бы радъ, но не могу согласиться на вашу просьбу.

— Но подумайте, Яковъ Яковличъ, возразилъ на это батюшка: — что вы изъ за однихъ воображаемыхъ неприятностей лишаетесь значительныхъ выгодъ.

— А какихъ, напримѣръ?

— Сколько вамъ платятъ г. аптекаръ?

— Триста-пятьдесятъ рублей ассигнаціями въ годъ, а въ мѣсяцъ двадцать-девять рублей, шестнадцать и двѣ-трети копейки.

— Хотите, я дамъ вамъ треть этой суммы въ годъ за Николашу да разныхъ припасовъ рублей на сто?

Яковъ Яковличъ въ нерѣшимости посмотрѣлъ на сестру.

— Что вы смотрите на меня, братецъ? сказала она. — Это благодать Божія. А мальчикъ тотъ же теленокъ: какъ съ нимъ не справиться?

— Сколько пудовъ благоволите вы поставлять мучицы? спросилъ Яковъ Яковличъ.

— Да хоть сто. Ну, меду вамъ пуда два или три буду присылать, крупы, масла, ветчины, домашней живности....

Яковъ Яковличъ не могъ устоять противъ всѣхъ этихъ искушеній и согласился наконецъ рискнуть своимъ спокойствіемъ.

Батюшка условился съ нимъ: пройти со мной съ самого начала вторую часть ариѳметики, также упражняться со мной въ нѣмецкомъ языкѣ (у Якова Яковлича была особая тетрадка, изъ которой онъ диктовалъ намъ нѣмецкіе слова и разговоры) и заниматься рисованьемъ; всего же больше наблюдать, чтобъ я не водился съ дурными товарищами и употреблялъ въ пользу свое время, и главное—приготовить меня къ поступленію въ гимназію. Яковъ Яковличъ обѣщалъ выполнить свято всѣ эти условія. «Ну — думалъ я — достанется теперь мнѣ попробовать затворнической жизни!»

Этой горестной мысли не усладилъ во мнѣ и чай, поданный Марѳушею въ старинныхъ чашкахъ, на старинномъ подносі: онъ мнѣ показался настоемъ какой-то травы; и дѣйствительно, я послѣ узналъ, что Марѳуша составляла чай изъ разныхъ цѣлебныхъ растений, увѣряя, что онъ не только полезенъ, но и пріятенъ по вкусу.

На другой день, въ то время, когда я сидѣлъ въ классѣ, и слушалъ «учительское объясненіе» Якова Яковлича, мой по-

житки были перевезены къ нему въ домъ , и я долженъ былъ отправиться теперь обѣдать не по старой дорогѣ, черезъ базаръ, гдѣ часто я запасался маковниками и другими сладостями жизни , а вмѣстѣ съ Яковомъ Яковlichemъ , по огороднымъ тропинкамъ. Я напередъ воображалъ, какъ мнѣ дадутъ ломоть хлѣба и тарелку кашицы за обѣдомъ и какъ Марѳуша будетъ увѣрять, что такой обѣдъ не только полезенъ , но и пріятнѣе мясныхъ кушаньевъ. Никто въ школѣ еще не зналъ о моемъ новосельи, и какъ мнѣ было стыдно , когда Яковъ Яковличъ, надѣвая свою зеленую байковую шинель , сказалъ мнѣ: «Пойдемъ, молодецъ!» Мнѣ казалось, какъ будто я отданъ въ рекруты: такъ совѣстно мнѣ было ятти полкъ Якова Яковлича, моего постоянного теперь ментора. Мнѣ казалось, теперь уже не одинъ, а два Якова Яковлича на свѣтѣ, и что я рано или поздно долженъ буду носить такой же фракъ, такую же старую шляпу, такіе же ботфорты и калоши. Мнѣ казалось, что и я скоро буду твердить молодцамъ о мучицѣ. Словомъ , я былъ сильно встревоженъ переменою моей жизни, я былъ, такъ сказать, согласованъ въ одномъ родѣ, числѣ и падежѣ съ Яковомъ Яковlichemъ, я былъ приведенъ вмѣстѣ съ нимъ къ одному знаменателю: именно этими фразами я самъ о себѣ думалъ, пробираясь вслѣдъ за моимъ бригадиромъ по огородамъ, и потому употребляю ихъ и теперь , какъ ни странными могутъ показаться онѣ читателю.

Яковъ Яковличъ посматривалъ на меня изкоса, не дѣлаю ли я уже и по дорогѣ какихъ нибудь продерзостей; но я былъ смиренъ какъ овечка.

IV.

Удивительныя открытія, сдѣланныя мною въ Якова Яковлича.

Идучи за Яковомъ Яковlichemъ, я машинально разсматривалъ каждый отпечатокъ , который оставляли на влажной осенней дорогѣ бичевки, обматывавшія его колоши. Вотъ мы и у калитки, и на дворѣ.

Яковъ Яковличъ во всю дорогу молчалъ , какъ будто былъ не въ своей стихіи; но когда вступилъ онъ въ свое обиталище,

языкъ его развязался. Онъ привѣтствовалъ свирѣпаго пербера ласками, какихъ я не ожидалъ отъ него: называлъ его морданикомъ, горланчикомъ и тому подобными нѣжными именами. Потомъ, проходя мимо коровы, потрепалъ ее по лбу и далъ полизать свою руку; съ сестрицей поцаловался, а кота взялъ даже на руки и, положи къ себѣ на грудь, гладилъ такъ усердно по спинѣ, что слышенъ былъ трескъ электричества. Все это, по моему понятію о Яковѣ Яковичѣ, было какъ-то ему негвойственно и удивляло меня.

Со мною тоже Яковъ Яковичъ велъ себя дома не по училищному. Онъ совѣтовалъ мнѣ не церемониться, быть запросто и отдалъ въ мое распоряженіе кота, котораго назвалъ мушкетеромъ, что на его языкѣ значило почти тоже, что повѣса. Потомъ онъ велѣлъ мнѣ снять скюртку, повѣсить на гвоздикѣ, чтобъ не изнашивался дома понапрасну, и оставаться, подобно ему, въ одномъ жилетѣ. Какъ онъ показался мнѣ страненъ безъ своего сѣраго фрака! Но когда онъ снялъ ботфорты и остался въ длинныхъ шерстяныхъ чулкахъ, плотно обтягивавшихъ его ноги до колѣнъ, тогда фигура его сдѣлалась еще оригинальнѣе.

Надѣвъ, вмѣсто ботфорта, какіе-то черевки, онъ былъ совсемъ готовъ къ обѣду. Я тоже былъ приглашенъ въ столовую Мароушею, которая назвала меня голубчикомъ Николашею. (Для Якова Яковича я все еще былъ «молодецъ».)

Я предвкушалъ уже всю горечь голода, какъ гарнизонъ, запертый безвыходно въ крѣпости. Несмотря на то, все въ домѣ Якова Яковича, до мельчайшихъ подробностей, возбуждало мое любопытство. Могу даже сказать, что послѣднее чувство было во мнѣ сильнѣе перваго, потому что въ первомъ случаѣ дѣйствовала только животная сторона моего существа, а здѣсь я смѣтрѣлъ глазами всего училища. Въ моихъ ушахъ уже раздавались безчисленные вопросы, на которые я долженъ былъ отвѣчать, воротясь въ училище, и потому я, прежде нежели бросилъ испытующій взглядъ на кашницу съ крупю или ушницу съ мелюзгою, или что тамъ было поставлено на столъ, окинулъ глазами комнату, въ которую меня позвали обѣдать.

Это была вторая изъ трехъ комнатъ, составлявшихъ обиталище Якова Яковича. Она служила ему спальнею, кабинетомъ и музеумомъ. (Третья была кухня и принадлежала соб-

ственно Мареушѣ.) Я сказалъ : *музеумомъ*, и не безъ причины. Тутъ, кромѣ его ботфортъ, калошъ , круглой новѣйшаго фасона и старинной треугольной шляпы , которыя могли бы составить славу иного древлехранилища , висѣло , во первыхъ , ружье его отца , во вторыхъ ; его же тесакъ и портупецъ , наконецъ походная шинель , служившая иногда Якову Яковлitchу одѣяломъ. Значеніе всѣхъ этихъ предметовъ и исторія каждаго изъ нихъ объяснились для меня послѣ ; теперь же я могъ только удивляться странному набору разныхъ доспѣховъ , вмѣстѣ съ пилою для дровъ , огромными колодками , на которыхъ шьютъ сапоги , и пучками дратвы , украшавшими стѣны столовой.

Я остановился посреди комнаты и смотрѣлъ то на ружье , то на Якова Яковлitchа , подвязывавшаго свои длиннѣйшіе шерстяные чулки , то на сапожничій снарядъ , то опять на Якова Яковлitchа , — смотрѣлъ и прикладывалъ мысленно одинъ предметъ къ другому , воображая своего почтеннаго ментора то въ роли мушкетера , то въ роли архитектора собственныхъ ботфортъ и калошъ . Въ эту минуту образъ Якова Яковлitchа принялъ въ моихъ глазахъ великанскіе размѣры , потому что я почиталъ его самого строителемъ его обуви ; я даже былъ увѣренъ , что никто другой и не былъ въ состояніи создать что нибудь подобное.

Я начиналъ думать то же самое и насчетъ его фрака и всего облаченія ; но прежде , нежели я сообразилъ возможность этого факта , мысли мои были отвлечены въ другую сторону мяукашемъ кота , который почувалъ запахъ принесеннаго Мареушею кушанья и бросился съ лежанки въ столовую , столкнувшись мордою съ моими ногами . Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него , и онъ мнѣ показался очень глупымъ животнымъ . Въ то же самое время Яковъ Яковлitchъ и Мареуша произнесли протяжнымъ голосомъ — одинъ : «Садись, молодець», а другая : «Садись, голубчикъ Николаша», и я сѣлъ вмѣстѣ съ ними за столъ .

Столъ былъ закрытъ чистою , хотя очень толстою , салфеткою ; но на ней, вмѣсто суповой чашки , стоялъ горшокъ , правда , муравленный и закопченный ужѣренно , но тѣмъ не менѣе горшокъ . Я посмотрѣлъ на него кислымъ взглядомъ — и , кажется , согласился бы , чтобы черепашина крышка прикипѣла къ нему навѣки . Не подозревая моихъ чувствъ , Мурѣуша от-

крыла горшокъ. Котъ замыкалъ громче прежняго, но на этотъ разъ я не считалъ уже его дуракомъ. Я самъ готовъ былъ вмѣстѣ съ нимъ замыкать: такъ неожиданно обрадовалъ меня запахъ закипавшаго въ горшкѣ кушанья. Когда поднявшійся надъ нимъ столбомъ паръ разсѣлся и Марѳуша начала дѣйствовать деревянною ложкою, я убѣдился, что это кушанье было не больше и не меньше, какъ очень вкусный супъ съ курицею.

Я посмотрѣлъ на Якова Яковича и на Марѳушу сквозь теплый туманъ, слегка затмѣвавшій почтенныя черты ихъ, и супъ съ курицею показался мнѣ еще неудобоприложимѣе къ нимъ, нежели ружье къ Якову Яковичу, а сапожничьи колдки и дратва къ Марѳушѣ, или наоборотъ. Но Яковъ Яковичъ спокойно ожидалъ супу, а Марѳуша еще спокойно наливала его въ тарелку, и я, при всей своей наблюдательности, не зачѣтилъ, чтобы въ глазахъ Якова Яковича выражалась какая нибудь жалность къ лакомому кушанью, а въ рукахъ его сестрицы была дрожь скупости, взвѣшивающей и оцѣнивающей на наличныя деньги раздѣляемую пищу. Самъ я былъ гораздо безпокойнѣе ихъ обоихъ и уступалъ въ этомъ только коту, который, мурлыча ласково, ткнулся ко мнѣ на колѣни и выпускалъ, въ знакъ своего сочувствія къ супу, когти, такъ что я вдругъ вздрагивалъ отъ боли и оттакивалъ его подъ столъ.

— Хорошо сдѣлала твой батюшка, Николаша, сказала Марѳуша, отламывая для себя отъ хлѣба осушичекъ: — что помѣстилъ тебя у насъ; ато и готовить кушанья было мнѣ не для кого. Все только ушица да каша. Яковъ Яковичъ мясного не кушаетъ.

— Отчегожь это? спросилъ я, видя, что со мной желаютъ говорить.

Ротъ Марѳуши въ это время былъ уже занятъ осушикомъ, и потому за нее отвѣчалъ самъ Яковъ Яковичъ.

— Ты спрашиваетъ, молодецъ, для чего? (Яковъ Яковичъ всегда дѣлалъ удареніе на *для*.) А для того, что я привыкъ съ малолѣтства къ такой пищѣ.

Это было уже не первыя слова Якова Яковича, произнесенныя ко мнѣ домашнимъ образомъ; но я все еще слушалъ внимательно: для меня было и ново и крайне занимательно съ

нимъ разговаривать Я проглотилъ наскоро ложку горячаго супу и тотчасъ спросилъ :

— Какъ же это, Яковъ Яковличъ ?

— А такъ , молодецъ , отвѣчалъ онъ такимъ тономъ , какъ бы говорилъ : «молодцы , остановитесь и послушайте учительскаго объясненія» : — такъ , что покойный родитель мой былъ въ нижнемъ воинскомъ чинѣ , когда я родился на свѣтъ . На этомъ мѣстѣ стояла убогая избушка....

— Такъ батюшка вашъ былъ военный ! воскликнулъ я протжно , бросивъ взглядъ на ружье и тесакъ , при чемъ безъ умысла увидѣлъ сапожничьи колодки и дратву .

— Какъ же , молодецъ , военный !

— Оттого у Якова Яковлича , замѣтила Мареуша : — и военная осанка .

И невольно взглянулъ на Якова Яковлича .

— Ну , вотъ , молодецъ ты мой , продолжалъ Яковъ Яковличъ : — и жили мы въ этой избушкѣ . Батюшка служилъ въ гарнизонѣ капраломъ ; получалъ въ мѣсяцъ четыре пуда мучицы , четверикъ крупъ да рубль и восемь алтынъ денегъ . Тѣмъ нужно было и кормиться . Такъ понимаешь ли , молодецъ , какъ довѣло батюшкѣ меня воспитывать ? На завтракъ сухарики съ водлицею да немножко сольцы , на обѣдъ—кашица съ крупюю , а на ужинъ—луковичка съ хлѣбцемъ : вотъ и вся роскошь . Такъ , молодецъ ты мой , провелъ я всю юность до девятнадцатилѣтняго возраста и пріобыкъ къ таковой жизни такъ , что , лучшей и не воображалъ и не желалъ . Затѣмъ вотъ и нынче мнѣ даже нездоровится , какъ покушаю мясного , а лучше , когда ѣмъ ушницу , супецъ или кашницу .

Этотъ рассказъ о сухарикахъ съ сольцею , о хлѣбцѣ съ лукомъ и прочая произвелъ на меня необыкновенно пріятное впечатлѣніе , подлѣ влияніемъ удовольствія , съ которымъ я убиралъ супецъ Мареуши . Я испытывалъ чувство странника , неожиданно набредшаго на плодородный оазисъ посреди безысходной степи . Яковъ Яковличъ и его сестрица показали мнѣ патриархальнымъ семействомъ , угощающимъ меня въ гостеприимной кушкѣ . Рѣчь Якова Яковлича дышала для меня воздухомъ пустыни , и самъ Яковъ Яковличъ преобразился въ монаха , захватъ въ новаго человека .

Я смотрѣлъ на него теперь почти съ такимъ же ощущеніемъ, какое онъ внушилъ мнѣ въ первый день нашего знакомства: такъ онъ мнѣ показался новъ въ домашней сферѣ жизни, такъ непохожъ онъ былъ на того Якова Яковлича, который говорилъ: «молодцы, остановитесь» и т. д., или твердилъ о вѣтряныхъ мельницахъ, которыя «мелютъ-мелютъ, да мучицы нѣту». Тамъ онъ былъ школьная указка; здѣсь онъ являлся человѣкомъ, съ своею исторіею жизни, съ своими природными и случайными залогами, развитыми въ своеобразную форму.

Мысль эта не сказывалась ясно моему дѣтскому уму, но Яковъ Яковличъ получалъ для меня смыслъ полнѣе того, какой имѣлъ до сихъ поръ, и я былъ увлеченъ непобѣдимымъ любопытствомъ выслушать отъ начала до конца всю исторію его жизни. Я, однакожь, чувствовалъ, что неловко было бы съ моей стороны выразить прямо такое желаніе, и потому старался только поддерживать разговоръ, въ надеждѣ выпытать мало по малу у Якова Яковлича и у Мареуши всю подноготную.

Надежда моя меня не обманула, потому что Яковъ Яковличъ и Мареуша, съ своей стороны, какъ я замѣчалъ, испытывали удовольствіе видѣть въ своемъ обществѣ новое лицо и, какъ бы обрадовавшись, что есть кому ихъ слушать, пустились припоминать разныя обстоятельства своей жизни, болѣе или менѣе для меня любопытныя. Мои вопросы, которые отъ времени до времени предлагалъ я то Якову Яковличу, то Мареушѣ, не только не были для нихъ тягостны или непріятны, напротивъ — производили на нихъ такое дѣйствіе, какъ весенніе лучи солнца на подснежники. Право, это сравненіе идетъ къ нимъ: они въ моемъ присутствіи, можно сказать, оттаяли; въ ихъ душахъ, или по крайней мѣрѣ въ ихъ памяти, показались свѣжіе ростки; они оба замѣтно оживились подъ влияніемъ моего любопытства, которое вызывало у нихъ наружу изъ душевной темноты уснувшія воспоминанія. Можетъ быть, я много себя приписываю; можетъ быть, Яковъ Яковличъ и Мареуша всегда были такъ хорошо настроены, когда калитка ихъ была заперта и ни одинъ капустянный червякъ, ни одинъ уличный мальчишка, ни одинъ грубый мѣщанинъ не давали имъ чувствовать ихъ одинокаго существованія. Какъ бы то ни было,

только я привыкъ думать о Яковѣ Яковличѣ какъ о существѣ, лишенномъ отзыва на окружающую его жизнь, — и вдругъ открываю въ немъ живыя движенія, замѣчаю внутреннюю, глубоко скрытую теплоту сердца. Это меня обрадовало не меньше, какъ радуется естествоиспытателя новое открытіе, съ которымъ навѣки свяжется въ преданія науки его имя, и я гордился, какъ любой ученый, своимъ открытіемъ.

Яковъ Яковличъ съ особеннымъ удовольствіемъ обращался ко временамъ своего дѣтства и рассказывалъ о немъ съ такимъ видомъ, какъ будто и для него это была пора невозмутимыхъ радостей; а между тѣмъ въ немъ еще съ того времени началъ образовываться этотъ боязливый, замкнутый въ самомъ себѣ характеръ.

Между прочимъ онъ рассказалъ, въ видѣ пріятнаго воспоминанія, какъ онъ, будучи мальчикомъ, хаживалъ зимою на разсвѣтъ въ «народное училище», отогрѣвая руки у горячихъ блиновъ, которыя Марѣуша клала ему въ карманъ, — какъ одинъ школьникъ сташилъ разъ мимоходомъ у торговки два блина и какъ она, вмѣсто хищника, схватила Якова Яковлича за тупей (тогда еще носили косы) и, назвавъ капшуконъ, отняла у него домашній завтракъ.

Я такъ засмѣялся, вообразя маленькаго Якова Яковлича съ косою, передъ бабой, запустившей руку въ карманъ его — безъ сомнѣнія, длиннаго — кафтана, что Яковъ Яковличъ и Марѣуша, въ одно слово, напомнили мнѣ, чтобъ я не уронилъ со стола тарелки.

Я опомнился, и мнѣ сдѣлалось передъ Яковымъ Яковличемъ очень совѣстно, какъ ни странно это иному покажется.

— Да, братецъ любезный, сказала между тѣмъ Марѣуша, глядя на него съ явнымъ желаніемъ выразить въ лицѣ нѣжное чувство, что отчасти и удалось ей: — вы были прилежнымъ школьникомъ. Бывало, надо о-полночи встать, чтобъ не опоздать съ блинами, — да это почти всякій разъ приходилось догонять васъ на дворѣ, чтобъ хоть сунуть блина два въ карманъ.

— Спасибо тебѣ. Марѣушка, отвѣчалъ Яковъ Яковличъ; но его лицо ужъ ровно ничего не выражало: — ты одна меня жалѣла и делѣла.

— А батюшка? сказала Марѣуша.

— Батюшка, пожалуй, лелѣялъ меня тоже, только на свой ладъ.

— Какъ это на свой ладъ? спросилъ я.

— А вотъ какъ, молодецъ. Вставъ до солнца, выучи сперва свои уроки, потомъ бери ружье да протверди весь артикуль....

— Какъ, Яковъ Яковличъ! прервалъ я: — вы учились дѣйствовать ружьемъ?

— Да, молодецъ. Бывало, чуть выучу уроки изъ Арифметики, изъ Нѣмецкихъ Разговоровъ, изъ Краткаго Начертанія Всемирной Исторіи, тотчасъ и за ружье. Оно, молодецъ, здорово для тѣла, да притомъ не допускаетъ — говорилъ батюшка — и до баловства.

— А подлинно, братецъ, замѣтила Марѣуша: — вы всегда были скромны, что красная дѣвушка.

— Да, Марѣуша, подтвердилъ съ спокойнымъ убѣжденіемъ Яковъ Яковличъ: — до сихъ поръ я, слава Богу, не таковъ.

На столѣ, между тѣмъ, давно уже стояла молочная каша; но я ничего не видѣлъ. Столъ съ расписанными синею краскою тарелками, Яковъ Яковличъ, Марѣуша и даже назойливый котъ, исчезли для меня. Передъ моими глазами рисовался маленькій мушкетеръ съ косою, въ старинномъ кафтанѣ и съ ружьемъ на плечѣ. Онъ поворачивался направо и налево, маршировалъ, выдѣлывалъ ружьемъ «артикулы»....

— Да притомъ же, продолжалъ Яковъ Яковличъ, не вѣдая о проказахъ моего воображенія, — притомъ же, молодецъ, батюшка готовилъ меня къ воинской службѣ. Ему хотѣлось только, чтобъ я прошелъ всѣ науки въ народномъ училищѣ, а потомъ онъ намѣренъ былъ записать меня рядовымъ въ тотъ полкъ, гдѣ самъ служилъ, пока вышелъ капраломъ въ гарнизонъ.

— Что же этому помѣшало? спросилъ я.

— Помѣшало, молодецъ, всеобщая помѣха дѣламъ человеческимъ — смерть. Кушай, молодецъ, кашу. Это мое любимое кушанье.

— Какъ же вы остались безъ батюшки? спрашивалъ я съ участіемъ. — Кто вамъ доставлялъ мучицу, крупу и прочее, чѣмъ жить?

— Батюшка оставилъ намъ съ Марѣушею поля десятин, пятнадцать да выстроилъ домикъ — вотъ какой видишь, отвѣчалъ Яковъ Яковличъ.

— Это онъ выстролгъ! сказалъ я съ удивленіемъ. — Гдѣ же онъ взялъ столько денегъ, получая въ мѣсяцъ четыре пуда му-чицы, четверикъ крупъ да рубль и восемь алтынъ денегъ, какъ вы сказали? (Всѣ слова Якова Яковлчича вѣзывались въ моей памяти, какъ будто онъ записывалъ ихъ тамъ «самымъ чистымъ почеркомъ».)

— Это былъ его паекъ, молодець, отвѣчалъ Яковъ Яковлчъ: — понимаешь? онъ и шелъ на наше прокормленіе. Батюшка покойникъ говаривалъ, что солдатскимъ дѣтямъ довлѣетъ жить по солдатски, и приучалъ насъ къ самой простой, «суворовской», какъ называлъ онъ, пищѣ. А что перепало ему отъ раздачи солдатшкамъ провизіи да амуниціи, да что скопилъ въ походахъ — батюшка вѣдъ съ Суворовымъ далеко въ чужихъ земляхъ перебивалъ — то все употреблено было, чтобъ обезпечить насъ, какъ останемся сиротами.

— Такъ у васъ, Яковъ Яковлчъ, сказалъ я: — стало быть порядочное состояніе?

— Слава Богу, молодець. — Я приумножилъ отцовское наслѣдіе своимъ жалованьемъ. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ откладываю по триста по пятидесяти рубликовъ въ мошонку да накопивши денежекъ и прикуплю нивку другую. Анъ вотъ смотри — ужъ я съ своихъ полей получаю внятеро больше противъ жалованьяца.

— Но какъ же вы, Яковъ Яковлчъ, продолжалъ я освѣдомляться: — изъ воинской службы попали въ учителя?

— Очень просто, молодець. Батюшка умеръ на самомъ выходѣ моемъ изъ училища. О воинской службѣ думать было не для чего больше. Одной сестрицы не оставить было въ домѣ. Я началъ вмѣсто того ходить въ судъ. Писалъ я самымъ чистымъ почеркомъ. Судья полюбилъ меня, а послѣ порекомендовалъ меня учителемъ. Такъ-то, молодець, полезно бываетъ писать тщательно и съ раченіемъ.

— И вамъ сверхъ этого ничего не нужно? спросилъ я, двываясь, какъ человекъ можетъ удовлетворить, въ такой незавидной долѣ, только увеличеніе доходовъ.

Яковъ Яковлчъ на это ничего не отвѣчалъ и только посмотрѣлъ на Марушу.

Маруша взглянула на него съ особеннымъ выраженіемъ, которое я въ первый разъ еще замѣтилъ въ ея суровыхъ чер-

тахъ. Она вздохнула и хотѣла что-то сказать, но Яковъ Яков-
личъ, какъ будто зная напередъ, что она скажетъ, поспѣшилъ
отодвинуть свой стулъ, и мы встали изъ за стола.

V.

Я ДѢЛАЮ ОТКРЫТІЯ, ЕЩЕ УДИВИТЕЛЬНѢЙШІЯ.

Послѣ обѣда Яковъ Яковличъ легъ соснуть, а я награбилъ
тетрадку для чистописанія, которое онъ же преподавалъ намъ,
и пока еще онъ спалъ, отправился въ школу. По дорогѣ я за-
шелъ къ одному изъ товарищей, Діонисію Потпружникову, тому
самому, который зналъ наизусть всѣ цифры въ Ариѳметикѣ.
Этотъ геній жилъ у своего дяди, купца Цапинскаго, въ комнат-
кѣ, пристроенной къ банѣ въ концѣ сада. Обстоятельство это
придавало мнѣ особенную охоту посѣщать его: онъ никогда не
забывалъ показать мнѣ, на какихъ кустахъ больше ягодъ, а на
деревьяхъ — плодовъ, и мы съ нимъ проводили время очень
пріятно, пока колокольчикъ, повѣшенный надъ кровлею учили-
ща, не возвѣщалъ намъ, что пора «остановиться и итти слушать
учительское объясненіе.»

Посѣщая Діонисія Потпружникова, я часто видалъ въ саду
двоюродную сестру его, дочь купца Цапинскаго, милостивую,
свѣженькую дѣвушку, лѣтъ семнадцати или болѣе. Она не разъ
потчивала меня крымскими фруктами изъ своего сада. Съ какимъ
наслажденіемъ смотрѣлъ я тогда на хорошенькую дѣвушку, ве-
село мнѣ улыбающуюся! Она казалась мнѣ пышнымъ цвѣткомъ
посреди зелени сада. Можетъ быть, мой восторгъ, котораго я
не скрывалъ, и былъ причиною, что она почти всякій разъ,
когда меня видѣла, приносила мнѣ яблоко или грушу. Теперь я
догадываюсь, что она дѣлала это съ тѣмъ удовольствіемъ, какое
мы испытываемъ, кормя красиваго котенка. Но мнѣ не было
тогда нужды до ея чувствъ; я наслаждался ея угощеніемъ и
былъ за него почти влюбленъ въ нее.

На этотъ разъ, проходя черезъ дворъ въ садъ, я увидѣлъ ее
на высококомъ крыльцѣ и поклонился ей. Она, съ милой фамил-
ярностью, послала мнѣ ручкою поцалуй, чѣмъ я былъ приве-
денъ въ восхищеніе. Черезъ минуту она уже была въ саду, неся

поднятую вверхъ грушу. Я съѣлъ ее медленно, чтобъ насладиться долѣе, и въ тоже время не сводилъ глазъ съ румяно-лапчатной дѣвушки. Она была цвѣтущее существо, какъ весна, какъ роза на садовомъ кустѣ.

Но восхищеніе мое не помѣшало мнѣ открыть въ ея лицѣ оттѣнокъ какой-то очень серьезной грусти. Я хотѣлъ было даже высказать свое наблюденіе; но товарищъ мой помѣшалъ мнѣ.

— Знаешь ли, Катя, сказалъ онъ своей двоюродной сестрицѣ, указывая на меня: — гдѣ онъ теперь живетъ?

— У Якова Яковлича? спросила она съ особенною живостью: — у моего жениха?

— Что вы говорите? сказалъ я, не зная, какъ понимать слова ея.

— Да, подтвердила она: — Яковъ Яковличъ мой женихъ.

— Какимъ образомъ?

— Онъ сватался за меня.

— Яковъ Яковличъ, учитель нашъ?

— Сватался, и очень недавно.

— Что же вы?

— Батюшка отказалъ.

— А вы?

— Я бы охотно за него вышла.

Я засмѣялся, и Діонисій Потпружниковъ тоже.

— Право, вышла бы, сказала Катя, срывая, безъ всякой нужды, съ куста вѣтку, усыпанную зрѣлыми ягодами.

— А Иванъ Федорычъ? сказалъ Потпружниковъ.

— Съ Иваномъ Федорычемъ не судьба жить мнѣ.

— Съ котораго это времени?

— Съ того, какъ сватался за меня Яковъ Яковличъ.

Въ это время изъ за деревьевъ показался очень красивый сабою, блѣлокурый молодой человекъ въ синемъ сюртукѣ, съ букетомъ цвѣтовъ въ одной рукѣ и съ шляпою въ другой. Это былъ Иванъ Федорычъ, прикащикъ купца Цапинскаго.

— Катя, сказалъ онъ издали, показывая ей прекрасныя георгины, которыя онъ несъ: — что ты на это скажешь?

— Не носите мнѣ больше цвѣтовъ, сказала она.

— Катя! Боже мой! сказалъ онъ съ огорченнымъ видомъ, подходя къ ней: — что это значитъ? Откуда это у тебя взялись вы и такіе странные капризы?

— Развѣ я не властна въ выборѣ словъ и не имѣю права отказаться отъ вашихъ любезностей? сказала она сурово, глядя въ-сторону.

Я смотрѣлъ на него внимательно и замѣтилъ въ ея глазахъ такое душевное волненіе, котораго никогда не забуду. Но она показалась мнѣ въ это время еще прелестнѣе.

— Вы имѣете право, отвѣчалъ съ упрекомъ Иванъ Одерычъ: — отказаться и отъ всего.

— И откажусь: мы не обрученные, сказала она, ощипывая съ вѣтки и бросая на землю ягоды.

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ молодой человѣкъ.

— Мнѣ не до шутокъ, отвѣчала она.

— Такъ прощайте жъ, сказалъ онъ, кланяясь ей. — Я не зналъ, что вамъ нужны деньги, ато я бы не былъ такъ честенъ съ вашимъ батюшкой.

И ушелъ изъ саду.

Она смотрѣла за нимъ вслѣдъ, пока онъ скрылся изъ виду.

Я убѣдился, что она въ самомъ дѣлѣ не шутитъ. Но мнѣ было такъ же дико воображать, что она готова выйти за Якова Яковича, какъ думать, что на свѣгу могутъ цвѣсти розы.

— Говорятъ, у Якова Яковича порядочное состояніе, сказала она.

— Да, отвѣчалъ я: — онъ самъ хвалился, что получаетъ съ своихъ полей доходовъ впятеро больше противъ жалованья.

— Но у него кромѣ того есть деньги, сказала Катя: — нашъ сосѣдъ купецъ Чернобаевъ долженъ ему значительную сумму.

— Васъ это, кажется, очень занимаетъ, сказалъ я, не переставая ей удивляться.

— И должно занимать, отвѣчала она: — когда я намѣрена выйти за него замужъ.

— Намѣрены?

— Да, Яковъ Яковичъ человѣкъ тихаго, почтенаго нрава. Съ нимъ можно жить счастливо.

— Но батюшка вашъ?

— Батюшка уступитъ. Онъ меня любитъ столько же, какъ и я его.

— Ты, Катя, забрала себѣ пустяки въ голову, сказалъ мой товарищъ. — Что за житье тебѣ съ Яковомъ Яковличемъ? Ты молода, а онъ старикъ.

— Вотъ пустяки! отвѣчала она, проведя вѣткою по губамъ его. — Онъ будетъ меня лелѣять и любить лучше молодого.

— Да онъ скупъ! ты развѣ этого не знаешь?

— Я этому не вѣрю. Когда заболѣла его сестра, онъ призвалъ лекаря и заплатилъ ему за леченіе такъ щедро, какъ никто въ городѣ. Скупцы этого не дѣлаютъ. Его никто не любить, и онъ дичится людей, а для любимой женщины, я увѣрена, онъ готовъ все сдѣлать.

И мнѣ тоже казалось. Яковъ Яковличъ представлялся мнѣ орѣхомъ, съ грубою, шероховатою, жесткою корою. Но не слишкомъ ли ужъ затвердѣла эта кора?

Между тѣмъ, какъ я размышлялъ объ этомъ, Діонисій Потпужниковъ продолжалъ уничтожать своего наставника.

— Неужели ты, Катя, говорилъ онъ: — не боишься сдѣлаться посмѣшищемъ города? Мнѣ страшно и подумать, какъ ты будешь идти объ руку съ мужемъ, у котораго шляпа залѣплена чернымъ сургучемъ, а каалоши привязаны къ сапогамъ бичевою?

— Наирасно ты думаешь, отвѣчала Катя: — что онъ навсегда останется такимъ чудачкомъ. За него некому было взяться, и ему не для кого было до сихъ поръ рядиться. Посмотрѣлъ бы ты, какимъ онъ щеголемъ являлся къ батюшкѣ.

— Онъ самъ являлся? воскликнулъ я съ удивленіемъ.

Я вообразить не могъ, чтобъ робкій, уединенный Яковъ Яковличъ отважился на такой подвигъ.

— Да, самъ, отвѣчала Катя: — и говорилъ такъ мило, такъ основательно, какъ слѣдуетъ почтенному человѣку. Я перемѣню его жизнь. Мы заведемъ себѣ лошадей, экипажецъ и будемъ такими приличными людьми, какъ и всѣ другіе.

Она говорила это съ такимъ убѣжденіемъ, въ ея словахъ была такая прелесть, что въ моемъ воображеніи на Якова Яковлича повѣяло волшебною молодостью. Онъ мнѣ представился отлично выбритымъ, розовымъ и даже — что было всего мудренѣе представить — улыбающимся. Онъ велъ подъ руку молодую жену, отъ которой на него падалъ такой отсвѣтъ, какъ на мѣсяцъ отъ солнца. И съ какимъ упоеніемъ

провожала ихъ глазами Марфуша! Даже ученики Н—ской школы радовались преобразованію своего наставника, а ихъ отцы наперерывъ спѣшили присылать ему, вмѣстѣ съ поздравленіемъ, кули мукицы. Еще только показался первый лучъ блаженства Якова Яковлича, а я уже бредилъ его счастьемъ. Яковъ Яковличъ составлялъ какъ бы мою собственность: я открылъ его какъ Кортесъ Мексику, и потому дальнѣйшая судьба его интересовала меня живѣйшимъ образомъ.

— Послушайте, сказалъ я Катѣ: — если вы не шутите, то позвольте мнѣ передать Якову Яковличу все, что я слышалъ.

— Я васъ хотѣла просить объ этомъ, отвѣчала она: — а что я не шучу, въ этомъ онъ можетъ удостовѣриться лично. Завтра у насъ воскресенье. Яковъ Яковличъ бываетъ по воскресеньямъ въ монастырѣ. Я тоже буду тамъ съ нянюшкою. Когда кончится обѣдня, мы пойдемъ въ рощу, гдѣ похорошена моя матушка. Я бы желала увидѣться и поговорить съ Яковомъ Яковличемъ. Передайте ему это.

Я обѣщалъ исполнить ея просьбу, и какъ въ это самое время раздался на кровлѣ училища звонокъ, то мы и отправились съ Діонисіемъ Потпружниковымъ въ школу, взявъ подъ мышку тетради и прописи.

— Скажи пожалуйста, что все это значитъ? спросилъ я у Діонисія Потпружникова, идучи по дорогѣ въ училище. — Что за капризъ пришелъ въ голову твоей Катѣ полюбить Якова Яковлича? Я отъ души желаю ему добра, но, право, едва вѣрилъ ушамъ своимъ, когда она говорила, что любить его.

— Развѣ она это говорила? сказалъ Діонисій Потпружниковъ.

— Да какъ же? Она готова выйти за него замужъ?

— Это еще не значитъ, что она любить его.

— А какъ же это понять?

— Поймешь очень ясно, когда она выйдетъ за него замужъ.

Сколько я ни добивался отъ своего товарища объясненія словъ его, но онъ таинственно молчалъ и, казалось, былъ чѣмъ-то опечаленъ, такъ же, какъ и Катя. Это, однакожъ, не мѣшало мнѣ радоваться за Якова Яковлича, и я во всю дорогу подпрыгивалъ, посидѣвъ въ училище. Какое, думалъ я, счастье Якову Яковличу!

Товарища ожидали моего прихода съ нетерпѣніемъ и забросали меня вопросами, а нѣкоторые насмѣшливо предлагали купить для меня булокъ, воображая, что я голоденъ. Но я съ гордостью сообщилъ имъ, что Яковъ Яковличъ совсѣмъ не то, чѣмъ они его воображаютъ, и даже намекнулъ таинственно, что они скоро увидятъ его совсѣмъ инымъ человѣкомъ.

Разумѣется, меня не преминули прозвать маленькимъ Яковымъ Яковличемъ; но это имя не было для меня оскорбительно: это была фирма, подъ которою въ головѣ моей образовался новый домъ съ свѣтлою, веселою жизнью. Я ни на минуту не переставалъ думать о Яковѣ Яковличѣ, о Марфушѣ и Катенькѣ, и эти три существа, при всемъ своемъ несходствѣ, образовали въ моемъ воображеніи такую привлекательную картину, какую дѣлаютъ ветхія развалины, обвитыя молодымъ, свѣжимъ, сквозящимъ на солнцѣ плющемъ.

Когда явился въ училище Яковъ Яковличъ и привялся, по своему обыкновенію, дѣлать ученикамъ переключку, я былъ въ такомъ восторженномъ состояніи, что не утерпѣлъ, чтобъ не воскликнуть при своемъ имени *hier!* Яковъ Яковличъ поднялъ на меня глаза и молча покачалъ головою; но выраженный имъ этимъ движеніемъ упрекъ не смутилъ меня. Я думалъ, глядя на него: «Еслибъ ты зналъ, что значитъ это *hier!* въ эту самую минуту на твоемъ лицѣ исчезло бы по крайней мѣрѣ полдюжины морщинъ и ты готовъ бы былъ расцаловать меня!»

Передо мной лежалъ экземпляръ «Прописей», награвированныхъ въ осьмнадцатомъ столѣтіи. (Съ нихъ-то и взялъ Яковъ Яковличъ свой «самый чистый петербургскій почеркъ».) Но я мало смотрѣлъ въ пропись: глаза мои безпрестанно устремлялись на Якова Яковлича, который очинивалъ ученикамъ перья ножикомъ, тщательно хранимымъ въ теченіе какихъ нибудь пятидесяти лѣтъ. Ножикъ этотъ содержался у него въ кожаномъ мѣшечкѣ вмѣстѣ съ небольшимъ оселкомъ, слѣданнымъ изъ обломка аспидной доски. Яковъ Яковличъ острилъ его не иначе, какъ на одну только сторону, чтобъ лезвее не стиралось понапрасну, и такимъ образомъ сохранилъ его до сихъ поръ почти въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ добытъ покойнымъ отцомъ его въ швейцарскомъ походѣ.

Я смотрѣлъ на Якова Яковлича, на его сгорбленный станъ, на его покрытое морщинами, безвѣтное лицо и ду-

малъ о томъ превращеніи, которое скоро должно съ нимъ совершиться. Я такъ былъ увѣренъ въ непреложности этого превращенія, какъ въ наступленіи весны или другого физическаго явленія. И какъ смѣшонъ казался мнѣ Яковъ Яковличъ съ своею будничною миною, тогда какъ для него наступилъ свѣтлый празникъ! Онъ мнѣ казался богачемъ, незнающимъ о своихъ богатствахъ и въ потѣ лица трудящимся ради насущной жизни. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда останусь съ Яковомъ Яковличемъ наединѣ. Никогда ни одинъ ученикъ не увѣдомлялъ его съ такимъ удовольствіемъ о присылкѣ изъ деревни мушцы, съ какимъ я готовился сообщить ему свою новость.

Наконецъ, я вышелъ вмѣстѣ съ Яковомъ Яковличемъ, сквозь проломанный заборъ, на засаженный капустою огородъ, по которому лежала намъ ближайшая или болѣе уединенная дорога къ дому. Мы остались одни, и я могъ бы съ нимъ теперь объясниться о томъ, что такъ сильно меня занимало; но — странное дѣло! — теперь мнѣ хотѣлось помедлить съ своею новостью. Я владѣлъ магическимъ словомъ, которое, будучи произнесено, преобразитъ Якова Яковлича совершенно, и мнѣ было пріятно удержать при себѣ подолѣе свою волшебную силу. Теперь я съ новымъ, непохожимъ на прежнее чувствомъ смотрѣлъ на костюмъ Якова Яковлича: я уже придавалъ ему цѣну какъ старинѣ, отживающей вѣкъ свой, какъ рѣдкости, которая, исчезнувъ, не оставитъ въ мірѣ ничего себѣ подобнаго. «Пускай — подумалъ я — Яковъ Яковличъ проживетъ еще въ черномъ тѣлѣ нѣскольکو часовъ. Можетъ быть, это послѣдніе уже отпечатки его калошъ на влажной тропинкѣ; можетъ быть, ни завтра, ни послѣ-завтра и никогда болѣе городокъ Н. не увидитъ того, что онъ привыкъ соединять съ названіемъ Якова Яковлича, и такимъ образомъ скучныя, однообразныя улицы его сдѣлаются еще скучнѣе и однообразнѣе. Будешь видѣть въ нихъ извѣстнаго рода зипуны, извѣстнаго покроя сюртуки и шинели, извѣстной, давно вездѣ оставленной моды шляпки и салопы, но ничего подобнаго не увидишь этой осторожно касающейся земли фигурѣ, въ неизносимой зеленой байковой шинели, въ ботфортахъ, калошахъ и шляпѣ, которымъ не только здѣсь, но — я былъ убѣжденъ въ этомъ — и на краю свѣта нѣтъ ничего подобнаго! Кромѣ того, будетъ ли городокъ Н. вмѣстѣ хотъ одного человека, который бы былъ такъ заключенъ въ себѣ, такъ никому

непонятенъ, какъ Яковъ Яковличъ? Все это исчезнетъ отъ одного моего слова и никогда уже не возвратится! Нѣтъ, обожду до вечера: пускай Яковъ Яковличъ побудеть еще немного такимъ, каковъ онъ теперь.

VI.

ЛЮБОпытныя подробности о домашней жизни Якова Яковлича.

Мы возвратились домой. Я долженъ былъ, по наставленію Якова Яковлича, снять свой сюртукъ и повѣсить на гвоздикъ. Самъ онъ сдѣлалъ тоже самое и остался только въ полосатомъ жилетѣ и въ ботфортахъ. Но съ ботфортами произошла на этотъ разъ церемонія, достойная описанія.

Лаская котъ, который потягивался подъ моею рукою на лежанкѣ, я заглянулъ случайно въ музей Якова Яковлича и замѣтилъ тамъ новое лицо, по видимому, очень привычное къ дому. Это былъ небольшого роста старичокъ объ одномъ глазѣ, почти въ такомъ же костюмѣ, какъ и Яковъ Яковличъ; разница была только въ галетухѣ, котораго онъ вовсе не имѣлъ, и въ ботфортахъ, вмѣсто которыхъ у него на ногахъ было что-то въ родѣ налошъ. Онъ былъ сѣдъ какъ луна, но проворенъ и быстръ въ движеніяхъ какъ сидѣлецъ мелочной лавочки. Онъ подалъ Якову Яковличу низенькую скамеечку, и мнѣ показалось, что прежде, нежели Яковъ Яковличъ сѣлъ на нее, онъ уже снялъ съ него ботфорты, вмѣстѣ съ привязанными къ нимъ колошами. Въ одну минуту онъ размоталъ бичевки и принялся осматривать кругомъ странную обувь съ такимъ видомъ, какъ будто это были окорока ветчины.

— Кто это у васъ? спросилъ я Марѳушу, которая въ эту минуту вошла въ мою комнату.

— Это, голубчикъ, нашъ сосѣдъ, Филимонычъ, отставной солдатъ; онъ служилъ вмѣстѣ съ нашимъ покойнымъ батюшкой.

— Чтожь онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Развѣ не видишь? Онъ сапожный мастеръ. Каждую субботу онъ осматриваетъ и чинитъ ботфорты и калоши Якову Яковличу.

— Такъ это его работы калоши? спросилъ я.

— Его, голубчикъ. Онъ круглый годъ обшиваетъ насъ. И тебѣ, если будетъ нужно, онъ сдѣлаетъ сапожки.

Я не могъ не засмѣяться, вообразя на своихъ ногахъ обувь, подобную обуви Якова Яковлича.

— Здѣсь онъ живетъ за садомъ, продолжала Мароуша. — Онъ у насъ все равно, что свой семьянинъ. Хорошій человекъ: Якова Яковлича почитаетъ, какъ самого Суворова, у котораго онъ служилъ подъ командою.

— Дорого платитъ ему за работу Яковъ Яковличъ?

— Да ничего не платитъ.

— Какъ это можно?

— Вѣдь онъ у насъ — я говорю тебѣ — свой. Мучицы, крупы и всего, что нужно, мы для него не считаемъ, а денегъ ему совсѣмъ не надобно. Онъ одинокъ — такъ всегда заработаетъ себѣ на рюмку водки. А больше что нужно старому солдату? Яковъ Яковличъ совсѣмъ хотѣлъ перемѣстить его къ себѣ, да старику жаль покидать избушку, въ которой родился. Только ужъ больше не проживетъ онъ въ ней, какъ одну зиму: совсѣмъ заваливается.

— Вы, кажется, очень его любите, сказали я.

— Какъ же не любить такого человека? отвѣчала Мароуша: — онъ, голубчикъ, наша опора. Безъ него мальчишки обнесли бы садъ, а Филимонычъ бережетъ его все равно, что свой. Да всякій бы злой человекъ насъ безъ него обидѣлъ; а теперь подико-сь, такъ попотчиваетъ костылемъ, что своихъ не узнаешь.

Все это, при тихомъ и боязливомъ характерѣ Якова Яковлича, казалось мнѣ весьма естественно. Но послѣ я узналъ прямую и главнѣйшую причину расположенія къ суворовскому солдату Мароуши и щедрости къ нему Якова Яковлича. Филимонычъ знавалъ моего ментора еще въ ту эпоху его жизни, когда дерзновенная торговка схватила его однажды за коосу и отняла положенный ему ибѣжною сестрицею въ карманъ завтракъ. Надежды отца Якова Яковлича относительно сына простирались, безъ сомнѣнія, не выше капрала, и отставной солдатъ считалъ эту степень верхомъ будущихъ его заслугъ. Какъ вдругъ Яковъ Яковличъ, котораго онъ въ свое время, безъ сомнѣнія, называлъ капшуконъ и капустаннымъ

червякомъ (я почти увѣренъ, что Яковъ Яковличъ позаимствовалъ отъ него, если не отъ покойнаго своего родителя, эти слова), передъ его глазами вступать въ высшее сословіе. Филимонычъ чуждъ былъ низкой зависти: онъ отъ души восхищался возвышеніемъ сына его товарища подъ знаменами Суворова и покровителя во время службы въ инвалідахъ, онъ гордился, что нерѣдко исправлялъ должность наставника въ артикулахъ при такой особѣ, онъ съ упоеніемъ называлъ Якова Яковлича вашимъ благородіемъ. Для Маруши, не выдавшей ни отъ кого почти должнаго къ ея братцу почтенія, Филимонычъ, съ своею преданностью къ Якову Яковличу, былъ человекъ бездѣльный, и не было дня, когда бы она не снесла въ его избушку какой нибудь кашицы, или молочка, или пирожка къ обѣду, такъ что Филимонычъ никогда не имѣлъ нужды готовить себѣ кушанье.

Что же касается до Якова Яковлича, то у него была, сверхъ этого, особенная причина любви къ Филимонычу. Лѣтъ десять или двѣнадцать назадъ, у Филимоныча заболѣли глаза, такъ что онъ не могъ взять шила въ руки. Эта болѣзнь продолжалась около полу-года. Ботфорты же Якова Яковлича поизносились и начали въ разныхъ мѣстахъ позѣвывать. Яковъ Яковличъ посылалъ съ нимъ Марушу ко всѣмъ сапожникамъ городка Н., которыхъ было всего три; но никто изъ нихъ не взялся починить ихъ. Одинъ требовалъ непоимѣрную цѣну, другой предлагалъ приставить къ голенищамъ новыя головки; третій просто хохоталъ до упаду, осматривая кругомъ величественную обувь, пока Маруша, потерявъ терпѣніе, вырвала у него изъ рукъ ботфорты и убѣжала домой. Яковъ Яковличъ былъ въ отчаяніи. Но Филимонычъ успокоилъ его. Онъ присовѣтовалъ Якову Яковличу не ходить никогда безъ капошъ и, хотя тогда было лѣто, не снимать ихъ даже въ школѣ, и обѣщалъ, по выздоровленіи, доказать всему свѣту, что эти ботфорты могутъ прослужить еще двадцать лѣтъ. Дѣйствительно, лишь только поправилось у Филимоныча зрѣніе, онъ пріестунилъ: къ исполненію своего обѣщанія. Для этого дратва была ссучена изъ самой крѣпкой пеньки и намочена въ дегть, передъ ботфорты обложены были «союзами» изъ свѣжей, нарочно для этого добытой у кожевника шкуры; подошвы укрѣплены были лосинымъ, твердымъ какъ желѣзо, слоємъ; составлена была остробен-

нымъ образомъ вакса и рѣшено было осматривать ботфорты въ каждую субботу и, при малѣйшемъ признакѣ ветхости, чинить ихъ всевозможными средствами. Это исполнялось съ того времени регулярно, и, дѣйствительно, ботфорты оставались невредимы даже до моего съ ними знакомства. Правда, голенища ихъ, отъ множества заплатокъ и трещинъ, сдѣлались похожи на лубовые, шереховатые пни; но Яковъ Яковличъ былъ совершенно обезпеченъ насчетъ обуви и, кажется, даже не думалъ о томъ, чтобъ ему понадобилась когда нибудь другіе ботфорты. За эту услугу, Яковъ Яковличъ, съ своей стороны, не зналъ цѣны Филимонычу и любилъ его почти такъ же, какъ и Марюшу.

Все это, какъ я сказала, узналъ я послѣ. Любопытство мое въ отношеніи къ Якову Яковличу и всему его окружающему было ненасытимо. Я пользовался всякимъ случаемъ развѣдать, что было и чего не было, какъ будто прелчужествовалъ, что мнѣ суждено быть современемъ біографомъ своего незабвеннаго ментора. Такимъ образомъ узналъ я, что Филимонычу семьдесятъ лѣтъ, что необыкновенная бодрость его и живость его движеній происходятъ отъ вошедшаго въ привычку обычая обливаться ежедневно, лѣтомъ и зимой, холодною водою, и что сосѣди прозвали его безсмертнымъ кошемъ. Я также узналъ, что онъ давно хлопочетъ уже о томъ, какъ бы женить Якова Яковлича, что Яковъ Яковличъ самъ давно объ этомъ думалъ, но, видя всеобщее къ себѣ нерасположеніе, боялся до сихъ поръ сунуться къ какой бы то ни было дѣвушкѣ съ предложеніемъ, что у Якова Яковлича сшита новая, свѣтло-русого цвѣта, шинель и новый свѣтло-зеленый фракъ; что основаніе ботфортъ, упроченныхъ такъ вѣковѣчно Филимонычемъ, относится къ тому же отдаленному періоду; что, по мѣрѣ увеличенія своего состоянія, Яковъ Яковличъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе самоувѣренности въ себѣ, и что одно особенное обстоятельство рѣшило его наконецъ обратиться съ предложеніемъ къ купцу Цапинскому (съ дочерью его онъ не говорилъ и видѣлъ ее только разъ въ церкви, по указанію Марюши).

Обстоятельство это состояло въ томъ, что въ городѣ пронесся слухъ, будто бы Цапинскій понесъ значительные убытки отъ банкротства одного купца и скоро долженъ будетъ самъ объ-

вить себя банкротомъ. Яковъ Яковличъ понималъ, что въ этомъ случаѣ выручка съ его стороны будетъ для купца вѣчнымъ благодѣланіемъ, и потому, какъ человекъ сознающій свое превосходство, онъ объяснился съ Цапинскимъ очень свободно.

Но, пока онъ рѣшился на это предложеніе, образъ цвѣтущей дѣвушки, видѣнной имъ въ церкви, рисовался передъ его глазами днемъ и ночью въ невыразимой прелести. Все, что въ немъ спало, все, что было подавлено тяжкою, будничною, унылою жизнью, все нѣжное въ его сердце, что не было тронуто и развито воспитаніемъ, — все это проснулось въ немъ, возвысило голосъ свой и попросило жизни. Яковъ Яковличъ, въ своемъ сѣромъ фракѣ, съ своею Арифметичкою въ рукѣ и съ своимъ воззваніемъ къ «молодцамъ», былъ похожъ на миеологическое лицо восточнаго міра, въ которомъ заключено начало жизни, ожидающее только рокового момента. Право, когда я думаю объ этомъ человекѣ, заключенномъ въ самомъ себѣ, сжатомъ окружающимъ его міромъ, затаившемъ въ душѣ все поэтическое, живое и покрытомъ снаружи такою неприятно-шероховатою оболочкою, какъ голенища его ботфортъ, — мнѣ кажется, что онъ былъ способенъ такъ нѣжно чувствовать, такъ горячо любить, такъ поэтически отражать въ душѣ представленія вѣншей жизни и быть для другихъ такимъ двигателемъ къ нравственному совершенству, какъ и любой изъ насъ. Поэтому его любовь къ неизвѣстной ему и незнающей его Катѣ представляется мнѣ далеко не въ видѣ прозаическомъ. Глядя въ прошедшее, я люблюсь на его чувство, какъ любитесь художникъ на свѣтъ заходящаго солнца; я перебираю въ воображеніи всѣ моменты этого послѣдняго отблеска долго безмолствовавшей души его, какъ артистъ слѣдитъ за погасаніемъ теплыхъ солнечныхъ красокъ въ свѣтлый вечеръ послѣ дождливаго, пасмурнаго дня, и воспоминаніе о Яковѣ Яковличѣ никогда не приходитъ мнѣ въ душу, не производя въ ней такого тихаго, нѣжнаго волненія, какое мы испытываемъ при послѣднихъ, исчезающихъ вдали потахъ любовной пѣсни.

Возвращаюсь къ разсказу. Я слушалъ Марушу, гладилъ баялопаннаго кота и посматривалъ отъ времени до времени на Филимоняча, который собиралъ свои сапожничьи снаряды. Вдругъ онъ быстро повернулся къ Якову Яковличу, прикрывавшему простынею повѣшенное на гвоздикѣ свое платье, и сказалъ:

— Эхъ, ваше благородіе! что же вы не покажете мнѣ своего постояльца?

— А вотъ онъ, отвѣчалъ Яковъ Яковличъ. — Поди-ка сюда, молодецъ!

Я вошелъ въ комнату съ котомъ на рукахъ, и думаю, что съ такимъ же, если не бѣльшимъ, любопытствомъ осматривалъ суворовскаго воина, съ какимъ онъ мѣрялъ меня съ головы до ногъ своимъ единственнымъ глазомъ. Мы оба другъ другу тотчасъ понравились. Онъ назвалъ меня славнымъ мальчишкою, а я, глядя на его сѣдину, на его безчисленныя морщины и наблюдая огонь, сверкавшій въ его глазѣ, уже перенесся воображеніемъ въ швейцарскія горы, гдѣ онъ геройствовалъ съ Суворовымъ, о которомъ батюшка часто мнѣ рассказывалъ. Я видѣлъ въ немъ живую сказку, живую тысячу и одну ночь и не ошибся въ этомъ. Филимонычъ былъ чудный рассказчикъ. Безъ него Яковъ Яковличъ не имѣлъ бы никакого понятія о простирающемся дальше городка Н. мірѣ и о людяхъ, непохожихъ на то, что онъ вокругъ себя видѣлъ. Каждый вечеръ Филимонычъ являлся къ Якову Яковличу съ своею работою и между тѣмъ какъ Яковъ Яковличъ, лежа на койкѣ своего покойнаго отца, отдыхалъ отъ учительскихъ трудовъ, Филимонычъ, усѣвшись на круглой треножной скамейкѣ, выкапывалъ изъ своей молодости какой нибудь случай и пускался въ безконечный рассказъ съ свойственною одному ему занимательностью. Онъ былъ для Якова Яковлича замѣною литературы, и я откровенно признаюсь, что ни на одномъ литературномъ вечерѣ я не испытывалъ такого удовольствія, какое часто доставлялъ мнѣ своими рассказами Филимонычъ.

Итакъ, мы другъ другу полюбились.

— Славный мальчишка, сказалъ суворовецъ: — только больно изнѣженъ: вишь какое пухленькое личико. Не закаленъ, какъ слѣдуетъ; а безъ хорошей закалки что за житье на свѣтѣ? Покойникъ мой командиръ любилъ такихъ солдатъ, которыхъ веди въ огонь и въ воду.

— Сшей, Филимонычъ, сказалъ Яковъ Яковличъ, ложась на койку: — сшей ему черевки, чтобъ не стиралъ дома понапрасну саножонковъ.

— Ладно, ваше высокоблагородіе: — ужь я какъ сошью, то словно изъ чугуна вылью: ступай хоть по швейцарскимъ скаламъ — урешь не износишь.

— Не трудись, Филимонычъ, сказалъ я: — батюшка не жалѣетъ для меня сапоговъ.

— Батюшка! экъ ты, червякъ эдакой! воскликнулъ безъ церемоніи ветеранъ. — Да нечто батюшка вѣкъ будетъ поставлять тебѣ обувь? Придется, погоди-ка еще, самому побобтаться по свѣту; ни батюшка, ни батюшкины деньги невѣчны. Вотъ я тебѣ сошью хорошенькіе черевички, какъ у его высокоблагородія.

Яковъ Яковличъ въ это время какъ нарочно выставилъ, лежа противъ меня, широчайшія подошвы своей домашней обуви.

— Нѣтъ, нѣтъ, Филимонычъ, повторилъ я въ испугѣ отъ его усердія: — не нужно мнѣ черевиковъ.

— Э, да ты еще глупенекъ, голубчикъ! сказалъ онъ. — Но погоди, поживешь между нами — мы тебя съ его высокоблагородіемъ передѣлаемъ.

— Я скорѣй васъ самихъ передѣлаю! сказалъ я: — хоть это, кажется, и труднѣе.

— Что это ты, молодець! сказалъ, показавъ изъ за подошвъ свое лицо, Яковъ Яковличъ, принявшій мои слова въ обидную для себя сторону.

— Да, Яковъ Яковличъ, сказалъ я: — я съ вами намѣренъ сдѣлать сегодня чудо!

— Какое чудо? спросилъ онъ, удивляясь моимъ словамъ все больше и больше: — что ты мелешь, капшукъ?

— Въ этомъ капшукѣ, Яковъ Яковличъ, сказалъ я, торжествуя: — хранится такая драгоценность, что вы прыгнули бы съ койки, еслибъ я вамъ сказалъ.

— Что же тамъ? батюшка прислалъ мучицы, что ли?

— Вы все только о мучицѣ! Не мучицею тутъ пахнетъ,

— Да что же такое, молодець? Или ты вздумалъ трунить?

— Вишь ты онъ какой рѣзвущика! сказалъ Филимонычъ: — да ты рѣзвись, только не забывай, что сдѣдуетъ по командѣ: чинъ чина почитай. Знаешь ты это?

— Знаю, Филимонычъ! сказалъ я съ одушевленіемъ, котораго до сихъ поръ никто во мнѣ не замѣчалъ. — Только у меня такой есть Якову Яковличу чинъ, что выше онъ и не захочетъ.

— Да говори же, молодецъ, что ты хочешь сказать! или ты въ самомъ дѣлѣ дурѣешь? возвысилъ голосъ Яковъ Яковичъ.

Но мнѣ не хотѣлось такъ легко разстаться съ своею тайною. Мнѣ хотѣлось помучить счастливица Якова Яковича. Я со-всѣмъ не боялся его въ эту минуту: я зналъ, что онъ все мнѣ проститъ за мою новость.

— А вотъ и не скажу! отвѣчалъ я.

— Да какъ ты смѣешь ослушаться, капустянный червякъ?

— А вотъ какъ! сказалъ я и убѣжалъ изъ комнаты.

VII.

МАГИЧЕСКОЕ СЛОВО НАКОНЕЦЪ ПРОМОВЛЕНО.

Я легкими шагами, какъ будто не касаясь земли, прошажи-вался по двору Якова Яковича, оглядывая съ упоеніемъ про-стую, небогатую его обстановку. Мнѣ все казалось увѣшан-нымъ праздничными гирляндами. Для меня уже наступило сча-стіе, которое готовилъ я Якову Яковичу.

Маруша помѣшала мнѣ бредить. Она подошла ко мнѣ та-кими осторожными шагами, какъ будто я былъ птица, готовая улетѣть при ея приближеніи.

— Голубчикъ Николаша, сказала она: — не хочешь ли орѣш-ковъ? У меня есть славные прошлогодніе орѣхи. Пооди за мной въ амбаръ.

Я не могъ не согласиться на этотъ ласковый зовъ, вдвойнѣ для меня привлекательный.

Открывъ плетеную изъ соломы калушку, она достала нѣ-сколько горстей дѣйствительно прекрасныхъ орѣховъ и, отдавая мнѣ, сказала въ тоже время:

— Чѣмъ ты это такъ встревожилъ Якова Яковича?

— А развѣ онъ встревоженъ? спросилъ я.

— Да, онъ весь дрожитъ. Не сказалъ ли ты ему чего обид-наго?

— Нѣтъ, сохрани Богъ. Я только намекнулъ ему на его счастье. Ему готовится бодьшее счастье!

— Голубчикъ мой! воскликнула Мареуша, обнявъ мою голушу и прижавъ къ своей груди: — голубчикъ мой, что же такое?

— Дайте мнѣ сперва подышать свободно, сказалъ я, освобождаясь изъ ея объятій.

— Что такое? спрашивала она, не переставая держать меня за плечи. — Что у тебя за новость? Неужели?...

— Да, сказалъ я.

— Катя?

— Да!

— Цапинская?

— Да!!

— За Якова Яковлича?

— Да, да!!!

— Ахъ, мое золото! воскликнула Мареуша, угрожая моимъ щекамъ и носу новымъ объятіемъ; но я отступилъ назадъ, чтобы объясниться съ нею «на благородномъ разстояннн».

— Да какъ же ты узналъ? спросила она, начиная возвращаться къ разсудку, который съ перваго разу она, казалось, совсемъ потеряла.

Тутъ я разсказалъ, какъ я зашелъ послѣ обѣда къ Діонисію Потиружникову, какъ видѣлъ Катю, какъ слышалъ ея разговоръ съ Иваномъ Федорычемъ, и что говорила она о Яковѣ Яковличѣ.

Мареуша нѣсколько разъ порывалась ко мнѣ съ объятіями, но я всякій разъ искусно ретировался то за какую нибудь калашку, то за кули съ мукою. Но когда я объявилъ наконецъ ей желаніе Кати видѣться съ Яковымъ Яковличемъ, тогда увидѣлъ, что мнѣ нѣтъ спасенія въ амбарѣ, и поспѣшилъ проскользнуть ною ея руками на дворъ.

Я усталъ отъ мареушина допроса; мнѣ хотѣлось остаться одному. Увиавъ передъ собою садовую калитку, я вошелъ въ садъ и началъ расхаживать по немъ во всѣхъ направленіяхъ, не забывая пользоваться лакомствомъ Мареуши. Теперь я уже не боялся, что она поговоритъ меня хворостиною, и мнѣ казалось, что еслибъ Яковъ Яковличъ увидѣлъ меня на любимой своей грушѣ, то покачалъ бы только головою, какъ за нѣгъ сегодня въ училищѣ. Дѣйствительно, я былъ въ такомъ странномъ настроеніи духа, что готовъ былъ лазить по деревьямъ, бѣгать по

грядамъ и уничтожить мареушины овощи. Все это казалось мнѣ ничтожнымъ, не имѣющимъ никакой цѣны и ненужнымъ, какъ человѣку, переселяющемуся изъ пустыни въ обѣтованную, цвѣтушую, полную роскошной жизни землю. Можетъ быть, я и выкинулъ-таки бы какуюнибудь ребяческую штуку, но меня скоро позвали къ Якову Яковличу.

— Ахъ, ты червь этакой! сказалъ мнѣ Яковъ Яковличъ съ радостнымъ видомъ. — Такъ ты и говорилъ съ нею? и слышалъ отъ нея самой?

— И говорилъ я и слышалъ, отвѣчалъ я, смѣясь.

— Да какъ же ты этакъ, какъ ты, молодець, такъ сказать, осмѣлился заговорить съ нею?

— Съ Катенькою? Вотъ диво! Я съ нею давно знакомъ.

— Неужто?

— Да; в какъ часто она угощала меня фруктами, да какими чудесными!

— Ахъ, ты кашпукъ! ахъ, ты мушкатель этакой! восклицалъ, потирая руки, Яковъ Яковличъ. — Вишь ты баловень! И она сама тебѣ давала фрукты?

— Сама подчивала, Яковъ Яковличъ, — и какія у нея руки! ахъ, что за ручки! я всякій разъ готовъ былъ расцаловать.

На эту выходку Мареуша, Яковъ Яковличъ и Филимонычъ громко разсмѣялись и всѣ воскликнули почти въ одну ноту:

— Ахъ, ты капустянный червякъ!

— Но раскажи-ка мнѣ все съ-изнова, молодець, сказалъ Яковъ Яковличъ: — какъ ты этакъ, то есть, какъ ты пришелъ туда, какъ ты ее увидѣлъ и какъ она съ тобой разговаривала.

Я расписалъ ему подробно всю сцену моего свиданія съ Катю и удовлетворилъ его, казалось, совершенно. Онъ нѣсколько разъ прерывалъ меня восклицаніемъ: «Ахъ, ты червь этакой!» и, казалось, завидовалъ моему счастью.

Мареуша подала полдникъ, состоявшій изъ пирожковъ съ творогомъ и сметаню; по только я, она и Филимонычъ воспользовались этимъ лакомствомъ. Яковъ Яковличъ не принаселся къ нему. Онъ расхаживалъ по комнатамъ въ своихъ шерстяныхъ чулкахъ, заложивъ назадъ руки, смѣялся, поворачивался быстро на одной ногѣ и часто повторялъ: «Эхъ, ты этакой кашпукъ!»

или: «эхъ, ты червь этакой», а разъ называлъ меня даже бригадиромъ.

— Такъ расскажи же мнѣ, какъ все это, такъ сказать, было, обратился онъ ко мнѣ снова, какъ будто я ничего еще ему не рассказывалъ.

Но мнѣ не было скучно повторять свою повѣсть. Свиданіе съ Катею представлялось моему воображенію въ такомъ цвѣтѣ-стомъ видѣ, что, казалось, никогда бы я не могъ исчерпать всѣхъ красокъ и всѣхъ оттѣнковъ этой сцены. Повторенный рассказъ мой былъ такъ свѣжъ, такъ новъ, что Яковъ Яковличъ дѣйствительно долженъ былъ слушать его съ любопытствомъ. Я воодушевлялся собственною своею рѣчью, воображеніе мое играло, какъ мотылекъ въ лучахъ солнца, глаза мои исполнены были огня, щоки — это я чувствовалъ — горѣли. Я приходилъ въ волненіе, какъ прорицатель, объявляющій темнымъ людямъ свѣтлую истину.

Но это не мѣшало мнѣ слѣдить за впечатлѣніями, какія мой рассказъ производилъ на Якова Яковлича. Никогда солнце не производило столь замѣтнаго дѣйствія на вынесенный изъ темнаго угла цвѣтокъ, какъ моя повѣсть на Якова Яковлича. Я это видѣлъ и оживлялъ его болѣе и болѣе.

Наконецъ Яковъ Яковличъ бросился на койку и закрылъ руками лицо. Я думалъ, что онъ плачетъ; впрочемъ, не могъ въ этомъ удостовѣриться, потому что широчайшія подошвы его черевиковъ закрывали отъ меня движеніе его губъ. Потомъ онъ снова вскочилъ и принялся рассказывать по своему музеуму съ такою живостью, какой онъ, вѣроятно, не имѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ училъ артикулы.

— Такъ завтра! сказалъ онъ: — завтра въ монастырской роцѣ? Мареуша, какъ это можетъ случиться? Сбыточное ли это дѣло? Какъ мнѣ, то есть, такъ явиться туда?

— Да также. Яковъ Яковличъ! Я вотъ вымою вамъ чистенько бѣлую косынку, Филимонычъ васъ выбрѣтетъ какъ можно лучше и подстрижетъ. У него теперь выострены ножницы: онъ собирается стричь у сосѣдей овечекъ. Я и провожу васъ и поговорю за васъ, коли хотите: наше дѣло женское — робѣть намъ нечего.

— Нѣтъ, Мареуша, не надо провожать, сказалъ Яковъ Яковличъ.

— Какъ же вы одни объясняетесь? продолжала заботливая сестрица. — Хоть Филимоныча возьмите: онъ, слава Богу, рѣлиствъ, хоть куда.

— Говаривали мы и съ Суворовымъ-съ, замолвилъ въ свою пользу словечко Филимонычъ.

— Бѣтъ, нѣтъ, не нужно, сказалъ Яковъ Яковличъ. — Я возьму съ собой только вотъ этого черая. Онъ лучше всѣхъ насъ сумѣетъ поговорить съ нею.

Всѣ обратили на меня изумленные взоры, и самъ я отъ этихъ словъ какъ будто вдругъ на вершокъ выросъ.

Рѣшено было поручить Филимонычу вычистить съ вечера мои сапоги такъ же чисто, какъ и ботфорты Якова Яковлича; и долженъ былъ достать изъ сундучка красный, новый жилетъ, который отецъ наказалъ мнѣ носить только по праздникамъ; а Марѹша приготовила для меня цвѣтной носовой платокъ. Я составлялъ, въ общемъ мнѣннн, какъ бы часть самого Якова Яковлича, и, дѣйствительно, я былъ душою всего этого событiя.

Вечеръ прошелъ въ приготовленiяхъ къ завтрашнему дню и въ разсказахъ о томъ, какъ устроить будущую свадьбу. Марѹша въ этомъ случаѣ была первенствующимъ ораторомъ. Филимонычъ нѣсколько разъ заговаривалъ о швейцарскомъ походѣ, объ альпiйскихъ ледникахъ, о страшныхъ крутизнахъ, на которыя онъ взбирался съ Суворовымъ; но Яковъ Яковличъ теперь охотнѣе клонилъ слухъ къ толкамъ о новомъ бѣльѣ, нежели о блистательныхъ подвигахъ италiйскаго героя. Онъ слушалъ свою сестрицу съ такимъ увлеченiемъ, какъ будто она была Шехеразада, и прерывалъ ее для того только, чтобъ сказать: «Эхъ червь-то онъ какой!» Потомъ онъ опять слушалъ и останавливалъ ее словами:

— Постои, Марѹша: спросимъ-ка мы еще этого кашука, какъ все это, такъ сказать, было.

Я выступалъ на сцену, какъ импровизаторъ, и дѣлалъ съ своими слушателями чудеса. Даже Филимонычъ забывалъ о Суворовѣ и, казалось, начиналъ чувствовать, что есть въ жизни нѣчто, привлекающее нѣтъ альпiйскихъ горъ, схватокъ въ ущельяхъ, ночныхъ ретирадъ и торжества надъ побѣжденными.

Наконецъ пѣтухи марѹшнины возвѣстили, что пора спать — у Якова Яковлича не было часовъ. Филимонычъ, вычистивъ

отлично ботфорты и мои сапоги, отправился въ свою избушку, а мы размѣстились по своимъ постелямъ.

Я уснулъ самымъ крѣпкимъ, самымъ пріятнымъ сномъ и не видалъ во снѣ ничего, кромѣ Якова Яковлича. Не ручаюсь даже и за это, видалъ ли я его бодрствующимъ во снѣ, или былъ увѣренъ, что Яковъ Яковличъ не долженъ былъ въ эту ночь спать, только помню — какъ будто это было въ самомъ дѣлѣ — что Мареуша нѣсколько разъ спрашивала ночью:

— Что вы не спите, Яковъ Яковличъ?

На это Яковъ Яковличъ какъ будто отвѣчалъ, ходя по комнатамъ:

— Разбули мнѣ, Мареуша, этого капшука. Спросилъ бы я его еще разъ, какъ это все, такъ сказать, было?

— Полно-те, Яковъ Яковличъ, ребячиться, отвѣчала, казалась, Мареуша. — Какъ можно будить дитю среди ночи? Поглядите, какъ онъ сладко спитъ. Мѣсяцъ то какъ играетъ на щечкахъ — точно два яблочка. Немудрено, что съ нимъ охотно поболтала Катенька.

Я говорю, что это могло быть дѣйствительно и можетъ казаться мнѣ обманчивымъ воспоминаніемъ тогдашнихъ моихъ впечатлѣній — не выдаю за истину. Только, проснувшись на другой день и желая Якову Яковличу добраго утра, я былъ удивленъ переменною въ его лицѣ: онъ былъ румявъ, щоки его горѣли; можно было бы подумать, что съ его плечъ свалилось какихъ нибудь двадцать лѣтъ; но красивые глаза его показывали, что это было дѣйствіе чрезвычайнаго волненія крови и, можетъ быть, бессонницы. Впрочемъ, Яковъ Яковличъ былъ веселъ и добръ. Онъ очень обрадовался моему пробужденію и тотчасъ принялся за свои обычные вопросы, какъ будто ночь взглядила въ его умъ все вчерашнія впечатлѣнія.

Я снова повторилъ ему свою волшебную повѣсть, и она казалась, произвела на него крѣпительное дѣйствіе, какъ чашка кофе или бульону. Оно было и кстати, потому что Яковъ Яковличъ по утрамъ въ праздники не завтракалъ.

VIII.

ЯКОВЪ ЯКОВЛИЧЪ ВЗНЕМОГАЕТЪ ПОДЪ НЕПРИВЫЧНОЮ ПОШЕЮ СЧАСТЬЯ.

Обѣдня въ монастырѣ начиналась рано. Мы имѣли только время vybrить Якова Яковлича, подстричь овечьими ножницами его волосы и заставить его вымыть лицо мыломъ, чего онъ никогда прежде не дѣлалъ. Яковъ Яковличъ, былъ молодецъ, но, однакожь, не «остановился» и торонилъ меня поскорѣе одѣваться. Это было необходимо, потому что я о себѣ не думалъ и заботился, вмѣстѣ съ Марушею и Филлимонычемъ, только о томъ, какъ бы снарядить получше Якова Яковлича въ предпринятую имъ экспедицію. Наконецъ мы собрались окончательно и, напутствуемые благословеніями Маруши и Филлимоныча, отправились.

День былъ прекрасный, чему я очень радовался, потому что, еслибъ была ненастная погода и Яковъ Яковличъ надѣлъ свои калоши, то испортилъ бы не только свой новый свѣтло-зеленый фракъ, но и свѣтло-сѣрую шинель свою. Правда, и теперь его шероховатые, истрескавшіеся ботфорты и шляпа, блестящая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернымъ сургучомъ, нарушали отчасти гармонию его параднаго костюма, но широкія складки новой шинели скрывали отчасти голенища ботфортъ, а уродливость шляпы можно было извинить небрежностью влюбленнаго молодого человѣка, какимъ теперь являлся Яковъ Яковличъ.

Мы скоро достигли жилища аптекаря, откуда Яковъ Яковличъ долженъ былъ провожать въ церковь тѣхъ воспитанниковъ, которые жили у него на «полномъ пансіонѣ». Всѣ удивились необыкновенному щегольству его, и когда онъ, войдя, хотѣлъ снять шинель, то нѣсколько человѣкъ бросились помочь ему разоблачиться и съ торжествомъ отнесли его шинель въ уголокъ, гдѣ и подвергли ее подробному критическому разбору. Сдѣлавъ перекличку, при чемъ мое торжествующее hiег не произвело уже на Якова Яковлича никакого впечатлѣнія, Яковъ Яковличъ велѣлъ выходить намъ въ порядкѣ и пошелъ въ главѣ нашей фаланги величественнымъ шагомъ.

Въ церкви я замѣтилъ у лѣваго клироса Катю, которая стояла поникши головою и не взглянула ни разу въ ту сторону, гдѣ стоялъ Яковъ Яковличъ. Зато ея няня пересчитала, кажется, глазами всѣ морщины на его лицѣ и всѣ образовавшіяся отъ долгаго лежанья въ сундукѣ складки на его шинели. Яковъ Яковличъ, съ своей стороны, стоялъ неподвижно, и я не замѣтилъ въ немъ, глядя на него сзади, ничего особеннаго, кромѣ того, что онъ часто переступалъ съ одной ноги на другую. А когда обѣдня начала приходить къ концу, онъ нѣсколько разъ оглядывался съ какимъ-то безпокойствомъ назадъ, ища меня глазами. Не знаю, зачѣмъ онъ это дѣлалъ.

Наконецъ народъ началъ выходить изъ церкви. Ученики, разумѣется, бросились впередъ, какъ овцы на пастбище, а мы съ Яковомъ Яковличемъ приостановились и дали выйти впередъ Катенькѣ. Она тоже помедлила, когда ушли прочія женщины.

Яковъ Яковличъ озябъ въ церкви, хотя, кажется, и не было очень холодно. Миѣ было очень жаль его — не потому, впрочемъ, что онъ дрожалъ, а потому, что щоки его начали дѣлаться блѣдными. Это вовсе не годилось для предстоявшаго ему свиданія. Я предложилъ ему походить сперва немножко по рошѣ, чтобъ согрѣться, на чтó онъ очень охотно согласился. Онъ, казалось, ужасался все болѣе и болѣе этой минуты, которой со вчерашняго дня ожидалъ такъ страстно, и, еслибъ было можно, то послалъ бы одного меня для переговоровъ съ Катюю.

Мы сдѣлали по рошѣ порядочный туръ, но Яковъ Яковличъ не только не согрѣлся, а началъ дрожать еще больше прежняго. Я не зналъ, чтó съ нимъ дѣлать. Между тѣмъ время уходило, и волею-неволею должно было явиться, не откладывая, на свиданіе.

Видали ли вы труса, который, при одной мысли о предстоящей атакѣ, блѣднѣетъ и теряется; но когда наконецъ опасность и гибель стануть у него передъ носомъ и онъ увидитъ, что отступленіе равно гибельно, онъ, зажмуря глаза, бросается впередъ, и уже не остановитъ его никакіе ужасы? Тоже самое случилось съ Яковомъ Яковличемъ. Когда мы подошли къ кладбищу и онъ увидѣлъ изъ за кустовъ розовую катенькину шляпку, шаги его сдѣлались вѣрнѣе, онъ пересталъ вперять въ меня вопрошающій взглядъ, и я даже не замѣтилъ, чтобъ онъ дрожалъ.

Катя сидѣла на памятникѣ, глядя неподвижно на могилу своей матери. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, но въ ея лицѣ выражалось какое-то чудно привлекательное чувство. За нею стояла нянюшка, далеко вперед свои острые глаза и проникая ими сквозь подходящаго Якова Яковлича. Мнѣ кажется, что еслибъ Яковъ Яковличъ встрѣтился глазами съ ея взглядомъ, то у него заболѣло бы въ костяхъ: такъ смотрѣла эта женщина. Но намъ не было дѣла ни до нея, ни до ея деды на Катю за готовность выйти за старика. Мы подошли къ Катенькѣ, держась другъ друга близко, какъ сямскіе башенцы, которые одно чувствуютъ и одного желаютъ, и оба поклонились ей съ глубочайшею почтительностью.

Судя по храбрости, съ какою Яковъ Яковличъ выступалъ впередъ, я думалъ, что онъ не запиется и проговоритъ ей одно изъ привѣтствій, извѣстныхъ ему по «Нѣмецкимъ Разговорамъ», но онъ заикнулся на первомъ словѣ и чуть-чуть не сказалъ — такъ мнѣ по крайней мѣрѣ показалось: «Молодцы, остановитесь и послушайте учительскаго объясненія». Но я тутъ выручилъ пріятеля.

— Яковъ Яковличъ такъ счастливъ теперь, сказалъ я: — что у него отнялся языкъ. Онъ не спалъ ночь, все думая о васъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ меня любите? спросила Катя взволнованнымъ голосомъ, обращаясь къ Якову Яковличу.

— Я? могъ только произнести Яковъ Яковличъ и, закрывъ шляпою лицо, заплакалъ.

Это была истинно трогательная сцена. Одна няня безчувственно смѣялась. Мы же съ Катенькою были поражены такимъ необыкновеннымъ выраженіемъ чувства.

— О чемъ вы плачете, Яковъ Яковличъ? спросила нѣжнымъ голосомъ Катя.

— Я... могъ только произнести Яковъ Яковличъ и задвигалъ слезами снова.

— Катерина Васильевна, сказалъ я тогда: — вы, можетъ быть, не понимаете, какое вы дѣлаете благодареніе Якову Яковличу. Его никто не знаетъ и не любитъ, кромѣ сестрицы, меня и Филимоныча. А у Якова Яковлича очень нѣжное сердце, онъ васъ будетъ такъ дѣлѣть, какъ птичку въ клеткѣ. Право, Катерина Васильевна.

— Вы не будете обходиться со мной сурово, Яковъ Яковлѣчь? спросила Катя.

— О, Боже мой! проговорилъ измѣнившимся голосомъ Яковъ Яковлѣчь и, упавъ передъ нею на колѣни, скрылъ свое лицо въ складкахъ ея салона и горько плакалъ.

При этомъ шляпа его упала на землю, вѣтеръ подхватилъ ее и погналъ за кусты. Но никто объ этомъ не заботился, а нянюшкѣ это доставило даже вриятное развлеченіе.

Катя погладила обѣими руками сѣдые волосы Якова Яковлѣча и вѣжно велѣла ему встать. А я наклонился и шепнулъ:

— Ручку, не забудьте поцаловать ручку.

Иначе я не считалъ бы церемоніи конченною.

Яковъ Яковлѣчь послушался меня и поцаловалъ довольно удачно свою невѣсту въ перчатку, за что получилъ легкій поцалуй въ високъ, отъ котораго нянюшкѣ сдѣлалось тошно.

Катя встала и сказала Якову Яковлѣчу:

— Такъ приходите, Яковъ Яковлѣчь, къ батюшкѣ; вы теперь встрѣтите отъ него другой вриемъ. Прощайте!

Яковъ Яковлѣчь, отирая платкомъ слезы, поклонился такъ низко, что чуть не упалъ, и когда разогнулся, Катенька была уже за кустомъ; онъ увидѣлъ только завязанную въ платокъ нянюшкину голову, да это — къ своему впрачемъ счастью — сзали.

Такъ кончилось это свиданіе, имѣвшее, какъ вы скоро увидите, рековое вліяніе на Якова Яковлѣча. Я отираяиися искать его шляпу и нашелъ ее въ концѣ роши, подъ заборомъ. Еслибъ не этотъ заборъ, то Якову Яковлѣчу пришлось бы возвращаться домой по древнему, безъ шапки. Воротясь на кладбище, я засталъ Якова Яковлѣча все въ томъ же положеніи, какъ и прежде: съ лицомъ, обращеннымъ въ ту сторону, гдѣ скрылась Катя. Я подаль ему шляпу. Онъ взялъ и надѣлъ ее, не обративъ никакого вчинанія на то, что она прорвалась во время воздушнаго путешествія.

У меня какъ-то странно сжалось сердце: темное предчувствіе завало мнѣ въ душу....

— Пойдите домой, Яковъ Яковлѣчь, сказалъ я.

Онъ машинально мнѣ повиновался. Но уже поступъ его не была такъ легка, и онъ шелъ медленно. Во всю дорогу онъ молчалъ, несмотря на всѣ мои усилія заставить его разговориться.

Только-когда я говорил о Катѣ, о ея добротѣ, о ея прелести, онъ съ явною благосклонностью обращалъ на меня глаза и, казалось, желалъ, чтобъ я продолжалъ свою ребяческую болтовню.

Мареуша и Филимонычъ ожидали насъ на порогѣ калитки.

— Что, Яковъ Яковличъ? Что, ваше благородіе? сказали они въ одинъ голосъ.

— Все кончено! отвѣчалъ Яковъ Яковличъ.

— Боже мой! воскликнула Мареуша, замѣтивъ необыкновенную блѣдность и болѣзненный видъ Якова Яковлича. — Чтожь это значить? Голубчикъ Николаша....

— То значить, отвѣчалъ я за Якова Яковлича: — что дѣло въ шляпѣ.

— А шляпа-то съ дырою, замѣтилъ многозначительно Филимонычъ.

— Катя наша? спрашивала Мареуша.

— Теперь хоть и умереть! сказалъ Яковъ Яковличъ. — Ухъ, какъ же я усталъ, Мареуша! Такъ уставалъ я только на артикулахъ.

— А вотъ у меня пирожки готовы, сказала Мареуша: — пойдемте, подкрѣпитесь, Яковъ Яковличъ.

— Нѣтъ, Мареуша, дай мнѣ раздѣться да полежать цемножко, отвѣчалъ Яковъ Яковлевичъ.

Войдя въ домъ, мы всѣ принялись помогать Якову Яковличу разоблачиться и уложили его на койку. Думалъ ли Яковъ Яковличъ, думала ли Мареуша, думалъ ли Филимонычъ, думалъ ли самъ я, что Якову Яковличу не вставать уже съ отцовской койки? Да, это было послѣднее приключеніе въ исторіи его однообразной, блѣдной, будничной жизни. Приваливъ къ нему разомъ, счастье повредило его некрѣпкую отъ природы организацію, подобно тому, какъ яркій дневной свѣтъ, столь благодѣтельный для всякаго Божія созданія, повреждаетъ и ослѣпляетъ павѣки глаза, долго томившіеся въ темнотѣ.

Онъ потерялъ аппетитъ; у него открылся горячечный бредъ: онъ безпрестанно дѣлалъ арифметическія задачи, приказывалъ «молодцамъ остановиться и послушать учительскаго объясненія», бранилъ ихъ шалунами, кашуками, кашуставными червяками, мельницами, которыя мелютъ-мелютъ, да муципы мѣту, — вчелами, которыя жужжать-жужжать, да меду не во-

сать; потомъ принимался рыдать, какъ передъ Катенькою; наконецъ развеселился и, воображая, видно, меня, восклицалъ радостно: «Экъ ты червь этакой!» или: «Расскажи-ка мнѣ, молодець, какъ все это, такъ сказать, было!» Но что бы я ни рассказывалъ ему, онъ ничего не понималъ и не узнавалъ меня. Онъ угасалъ ярмѣтво съ каждымъ днемъ.

Призванъ былъ медикъ, но напрасно; пивки, горчичники, микстуры и все, что можно было употребить для изцѣленія его немощи, не помогало. На седьмой день рѣшено было призвать священника. Это имѣло лучший успѣхъ. Къ Якову Яковичу возвратилось употребленіе умственныхъ способностей, какъ будто для того, чтобъ онъ понялъ смыслъ святаго таинства. Съ глубокимъ чувствомъ онъ причастился, и первымъ его дѣломъ послѣ этого было написать духовную. Священникъ предложилъ тотъ же часъ свои услуги, и Яковъ Яковичъ надиктовалъ ему, въ общемъ нашемъ присутствіи, что онъ все свое состояніе и саму сестрицу Марѳушу ввѣряетъ въ безотчетное распоряженіе дѣвицы Катеринѣ Цапинской.

Но тутъ Филимонычъ возвысилъ голосъ:

— Эхъ, ваше высокоблагородіе! Богъ знаетъ, каково еще придется коротать жизнь Марѳѣ Яковлевнѣ!

Священникъ одобрилъ его замѣчаніе, и Яковъ Яковичъ, убѣжденный общими совѣтами, согласился включить въ духовную особую статью — чтобы если Марѳушѣ не полюбится жить подъ опекою дѣвицы Катерины Цапинской, то она, Цапинская, обязана ежегодно выплачивать сестрѣ его извѣстную сумму денегъ. Впрочемъ, Яковъ Яковичъ тутъ же сказалъ, что онъ дѣлаегъ это для спокойствія сестры, но что онъ нисколько не сомнѣвается въ добродѣтеляхъ Кати и въ неизмѣнности попеченій ея о Марѳушѣ. Послѣ этого Яковъ Яковичъ вспомнилъ и о Филимонычѣ и завѣщалъ ему также въ духовной ежегодную выдачу двѣнадцати рублей ассигнаціями, что Филимоныча тронуло до слезъ. Меня Яковъ Яковичъ не включилъ въ духовную, но поручилъ священнику передать Катѣ его просьбу принять къ себѣ меня на квартиру и лелѣять какъ родное дитя. Это, впрочемъ, было излишне, потому что и безъ того между мною и Катею существовала связь истинно братская.

Не буду утомлять васъ подробностями о послѣднихъ минутахъ Якова Яковлеча. Довольно того, что его не стало. Струны, долго бывшія безмолвными, издали нѣсколько чудныхъ, потрясающихъ звуковъ подъ рукою могучаго артиста — любви, допнули и замолчали навѣки.

Что сдѣлалось съ Катенькою, всякій догадается. Миѣ остается только сказать, что Марѳуша и Филимонычъ нашли въ домѣ ея и ея мужа такой пріютъ, какого только можетъ желать дряхлая старость. Я тоже нѣсколько времени жилъ въ домѣ купца Цапинскаго и до сихъ поръ съ нимъ друженъ. Домикъ Якова Яковлеча былъ отданъ въ наймы. Марѳуша отказалась въ немъ жить послѣ смерти брата....

НИКОЛАЙ И.